РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1893.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

ЧЕРТЫ СТАРИННАГО ДВОРЯНСКАГО БЫТА.

Воспоминанія Марьи Сергѣевны Николевой *).

За годъ до Отечественной войны вышла изъ Смольнаго сестра моя Елисавета, 18-ти лѣтъ; старшей же сестрѣ было тогда 23 года, а мнѣ 5 лѣтъ. При объявленіи войны съ Бонапартомъ, братъ Яковъ поступилъ въ казаки. Все, что мыслило, заколыхалось для борьбы на жизнь и смерть съ завоевателемъ; все двинулось на битву, а кто того не могъ, тотъ иначе принималъ участіе въ оборонѣ. Отецъ, будучи почти уже слѣпъ, пекъ сухари для войска и безплатно доставлялъ ихъ въ Коммиссаріатъ, а мать и сестры принялись за корпію. Но жили мы пока покойно въ своей деревнѣ, не ожидая къ себѣ врага. Всѣ три брата были давно на границѣ и за границей. Средній Алексѣй сражался уже не разъ съ Французами и участвовалъ въ жаркой Аустерлицкой битвѣ. Какъ адъютантъ генерала Репнина, былъ онъ имъ посланъ съ какимъ-то приказомъ. Вдругъ пуля ударяетъ ему прямо въ грудь и отскакиваетъ. Онъ отъ удара падаетъ, но не раненъ; отчего это? На немъ надѣтъ былъ образъ Казанской Богоматери, благословеніе родителей, вершка въ полтора величиной въ золоченомъ окладѣ, въ который и попала пуля, вдавивъ окладъ въ дерево. Съ тѣхъ поръ братъ всегда праздновалъ день 8 Іюля въ честь святой иконы, называя этотъ праздникъ «моей Матушки Казанской».

Отецъ мой посвятилъ построенную имъ церковь Покрову Богородицы, и съ тѣхъ поръ, село наше, называвшееся прежде Заустье по имени рѣки Устьи, протекающей въ немъ, стало называться Покровскимъ. Наканунѣ почти каждаго праздника служили у насъ всенощную въ домѣ, и отецъ всегда становился съ пѣвчими, а когда пѣли что-либо въ честь Богоматери, онъ опускался на колѣни и съ умиленіемъ пѣлъ ирмосы Богородицѣ. Нѣкоторыя любимыя имъ молитвы я въ юности моей не могла слышать равнодушно, представляя себѣ, какъ этотъ почтенный, почти слѣпой старикъ, въ довольно длинныхъ,

*) См. выше, стр. 107.

совсѣмъ бѣлыхъ волосахъ, стоялъ, бывало, на молитвѣ, и теперь еще чрезъ 40 лѣтъ я объ этомъ вспоминаю, представляя его себѣ съ воздѣтыми восторженно руками, въ бѣличьей шубкѣ, крытой малиноваго цвѣта шалономъ. Старшій братъ мой, вступя въ управленіе имѣніемъ, заказалъ въ Академіи Художествъ для нашей церкви мѣстный образъ Покрова Богородицы и такой же въ маломъ видѣ для дома, послѣдній въ чеканной серебрянной рамѣ, работы лучшаго въ то время мастера Сазикова. Какъ братъ, такъ и отецъ на день Покрова обыкновенно готовили угощеніе крестьянамъ. На большомъ дворѣ противъ дома разставлялись столы съ чашами щей, студню, съ пирогами и другими приварками. Мы всѣ выходили подносить крестьянамъ по рюмкѣ водки, разсаживали за столы и угощали, какъ могли радушнѣе. Сбиралось крестьянъ до 300 кромѣ женщинъ. Иногда бывалъ этотъ осенній праздникъ ясенъ и тихъ; иногда же случалось, что во время самаго пира погода вдругъ перемѣнится и начнетъ падать снѣгъ, попадая прямо въ кашу или щи; но гости наши не обращаютъ на то вниманія, кушаютъ себѣ да похваливаютъ, ни за что не соглашаясь надѣть шапку или шляпу (деревенскаго производства), какъ мы ихъ ни упрашиваемъ, даже приказываемъ. «Ничего, матушка сударыня, сойдетъ и такъ». При хорошей погодѣ пиръ продолжался до сумерокъ; являлся скрипачъ или два, начиналась пляска, пѣсни, и мы меньшія сестры, т. е. я и Елена Сергѣевна, пускались въ хороводы съ молодыми крестьянками и ребятами. Праздновали мы и день Пасхи. Изготовлялось нѣсколько большихъ куличей, пасокъ изъ творогу и корзинъ, наполненныхъ красными яицами. Всѣ крестьяне изъ церкви приходили прямо къ намъ христосоваться. Ихъ бывало человѣкъ до 500 или болѣе. Большая семья наша расходилась по разнымъ комнатамъ съ корзинами яицъ; матушка раздавала кусками куличъ и пасху, цѣлуя всѣхъ въ лицо, безъ разбора, что̀ дѣлали и мы всѣ, мѣняясь яицами съ каждымъ поочереди, а у кого ихъ не случалось, отдавали свое; и весь домъ съ растворенными настежъ дверями наполнялся людомъ. Всякій имѣлъ право ходить по всему дому, и не помню, чтобы въ тотъ день что-либо пропадало въ нашихъ комнатахъ; даже ничто не было тронуто съ мѣста: любопытные только разглядывали чудные для нихъ предметы. Хозяинъ нашъ обыкновенно находился на то время въ просторной передней комнатѣ, гдѣ принималъ главныхъ, самыхъ почетныхъ лицъ изъ крестьянъ, стариковъ и старостъ, подавалъ имъ вина́, пирога, жаренаго мяса, а въ дѣвичьей нянюшка наша угощала брагою или пивомъ. Такое множество поцѣлуевъ, полученныхъ нами отъ лицъ съ бородами и усами, подчасъ не совсѣмъ опрятными, за-

ставляло насъ по окончаніи поскорѣе умыться: иначе случалось, что показывалась на лицѣ сыпь*).

Соблюдался у насъ также обычай встрѣчи великаго поста на старинный, патріархальный ладъ. По окончаніи ужина въ прощеное Воскресенье матушка садилась на диванъ передъ столомъ, на которомъ ставился подносъ съ ковригой ржанаго хлѣба и солонкой соли. Мы всѣ размѣщались по обѣ ея стороны. Впускались всѣ наши дворовые и крестьяне, если которые нибудь изъ нихъ случались на то время на дворѣ. Нянюшка Ѳедора Семеновна разрѣзала хлѣбъ на небольшіе куски и солила ихъ, иногда это дѣлала и сама матушка; тогда начиналось взаимное прощанье. Присутствующіе поочереди выступали, кланялись матушкѣ въ ноги, говоря «Простите, сударыня, если въ чемъ согрѣшилъ или согрѣшила передъ вами». Матушка вставала, отдавала поясной поклонъ кланявшемуся или кланявшейся, говоря: «Прости и ты меня грѣшную», и предлагала кусочекъ посоленнаго хлѣба съ пожеланіемъ также благополучно вмѣстѣ разговѣться отъ одного кулича и пасхи, какъ заговлялись отъ одного хлѣба.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ по отъѣздѣ братьевъ нашихъ въ дѣйствующую армію, а мы все еще жили мирно у себя. Родители, получая Московскія Вѣдомости, прочитывали реляціи сосѣдямъ. Былъ Августъ. Уборка ржи шла тихо, много молодыхъ крестьянъ поступило въ милицію. При усиленномъ наборѣ рекрутъ отцы и матери съ плачемъ и воемъ поѣхали провожать ихъ; кое-гдѣ проскакивали партіи казаковъ... Слухи носились разные: тамъ показались мародеры («*миродёры*», какъ назвалъ ихъ народъ); тутъ ограбили, убили кое-кого; были люди возбуждавшіе народъ къ бунту, совѣтывали бросить полевую работу, избивъ всѣхъ помѣщиковъ; но все это были слухи. Въ нашемъ углу замѣчалась только необычная лѣность въ работахъ. Въ концѣ 1810 года нанялся къ намъ въ управители имѣніемъ Полякъ Иванъ Яковлевичъ Гульчинскій, человѣкъ незлой, но страшный трусъ. Жилъ онъ у насъ второй годъ съ женой и двумя дѣтьми и, ѣздивши по полямъ, привозилъ разныя вѣсти, быль и небылицу, которыя и сообщалъ во время обѣда. Обыкновенно при этомъ онъ начиналъ съ того, что раскладывалъ свой большой красный клѣтчатый платокъ на лицо и голову, бралъ себя за носъ, наклонялъ голову, при чемъ платокъ падалъ обратно на руку и издавалъ сморкаясь трубный звукъ,

*) Въ другихъ семействахъ, напр. у Архаровыхъ, соблюдался еще и такой обычай на день Св. Пасхи: по возвращеніи изъ церкви, за приготовленные столы садилась прислуга, господа угощали ее и уже потомъ садились сами разгавливаться. (Слышано отъ Александры Ивановны Васильчиковой, ур. Архаровой). П. Б.

и затѣмъ начиналъ страшный разсказъ о врагахъ. Такъ, не задолго до Успеньева дня, вернувшись съ поля, Иванъ Яковлевичъ за обѣдомъ издалъ громкій носовой звукъ и крякнулъ. «Ну что̀ скажешь сегодня, Иванъ Яковлевичъ?» спросилъ батюшка, «что̀ дѣлаетъ Наполеонъ?»—«Да, говорятъ, Французы уже въ Ельнѣ, того и гляди нагрянутъ къ намъ», отвѣчалъ тотъ. «Подождутъ еще казаковъ», отвѣчалъ отецъ, и всѣ смолкли. Лишь встали изъ-за стола, какъ видимъ: скачетъ тройка, въ телѣгѣ сидитъ казакъ и прямо къ крыльцу. Дверь быстро отворилась, и братъ Яковъ влетѣлъ въ своемъ новомъ казачьемъ мундирѣ. «Здравствуйте», говоритъ, «я къ вамъ съ худой вѣстью: за мной верстахъ въ 20 идутъ Французы. Собирайтесь скорѣе, уѣзжайте куда-нибудь подальше, убирайте, что̀ поцѣннѣе, и съ Богомъ съ путь».

Поднялась суета; кто готовитъ экипажи, кто наполняетъ сундуки чѣмъ попало. Отецъ собралъ съ поля народъ и велѣлъ толочь сухари заготовленные для войска, какъ приношеніе, набивать ими мѣшки и укладывать въ дорогу. Бричку наполнили провіантомъ. Сестрамъ жаль было разстаться съ крупными вишнями (въ тотъ годъ на все былъ большой урожай), и онѣ набрали ихъ полныя корзины, оставя мать и няню заниматься укладкой болѣе нужныхъ вещей. Утромъ съ восходомъ солнца поѣздъ нашъ тронулся. Въ карету съ матушкой и няней посадили меня 5-лѣтнюю съ большой куклой; одѣли меня въ мое любимое розовое платье съ блестками. Отецъ въ коляскѣ съ сестрами моими слѣдовалъ за нами, за тѣмъ бричка съ прислугою и другая съ провизіей, да телѣга съ поклажей. Весь обозъ завершался табуномъ лошадей нашего домашняго завода, головъ въ 30 (отчасти Арабской крови, лошадей очень хорошихъ, которыхъ отецъ жалѣлъ оставить). Все это потянулось въ противуположную отъ Французовъ сторону. Братъ же, проводивъ насъ, поскакалъ назадъ.

Но куда ѣхать? Собрались такъ неожиданно, что не успѣли придумать, гдѣ лучше приклонить голову. Цѣль была одна: бѣжать отъ враговъ. Проѣхавъ версты 4, услышали мы шумъ и топотъ; перепугались, не нагоняетъ ли насъ непріятель. Но оказалось, что табунъ нашъ вышелъ изъ послушанія конюховъ, разсыпался по полю и хочетъ вернуться домой. Испугъ матери и сестеръ былъ такъ великъ, что рѣшено было лучше лишиться лошадей, чѣмъ потратить лишнихъ два часа, собирая ихъ, и онѣ были брошены на произволъ судьбы. Съ общаго совѣта рѣшено было ѣхать къ теткѣ моей Аннѣ Алексѣевнѣ Протопоповой, которой мужъ тогда уже былъ въ отставкѣ и лежалъ разбитый параличемъ въ своемъ имѣніи Тульской губ. Епифанскаго уѣзда, въ с. Бутыркахъ. При первой же возможности извѣстили мы ихъ пись-

момъ о нашемъ пріѣздѣ; а сами, имѣя при своемъ немаломъ семействѣ прислуги человѣкъ 10 и упряжныхъ лошадей до 20, потянулись не спѣша на Тулу и прислушивались къ извѣстіямъ, гдѣ непріятель.

Такъ благополучно добрались мы до родственнаго дома и были встрѣчены радушно въ почтенномъ и многочисленномъ семействѣ тетки моей и дяди. Состояніе ихъ почти равнялось нашему, а хлѣбородная почва Тульской губ. давала средства содержать насъ безъ особаго ущерба карману; къ тому же сердечное, родственное расположеніе дѣлало особенно пріятнымъ возможность пріютиться у нихъ. Два сына и пять дочерей тетки были однихъ лѣтъ съ моими сестрами, такъ что насъ собралось до одинадцати кузинъ, изъ которыхъ старшей было около 25 лѣтъ, а младшей пять. Братья Протопоповы были, понятно, на войнѣ; съ нами же оставались изъ мущинъ лишь мой отецъ и больной дядя, при которомъ неотлучно находилась, кромѣ жены, старшая дочь Александра. Она не оставляла отца ни днемъ, ни ночью и если на минуту выходила, больной начиналъ плакать какъ ребенокъ. Такъ продолжалось много лѣтъ, и бѣдная кузина моя не видала молодости (дядя умеръ, когда ей было уже 35 лѣтъ). Семейство это имѣло большую склонность къ музыкѣ. Старшій братъ Петръ Сергѣевичъ, родившійся еще въ Тобольскѣ, когда отецъ его былъ тамъ губернаторомъ, игралъ на разныхъ инструментахъ: фортепьяно, скрипкѣ, арфѣ, гитарѣ, флажолетѣ. Онъ долго служилъ въ военной службѣ, былъ во всѣхъ походахъ 1812 года, и вездѣ съ нимъ ѣздили скрипка и флажолетъ. Въ свободныя отъ службы минуты, онъ садился съ ногами на походную кровать, чтобы поиграть на любимомъ инструментѣ. Арфу онъ пріобрѣлъ такъ. Разъ въ походѣ видитъ, солдаты откуда-то притащили арфу и собираются рубить ее для разведенія костра, подкладывая въ огонь ноты. Онъ отстоялъ арфу и обгорѣлыя уже ноты и по нимъ самоучкой выучился играть, такъ что въ послѣдствіи обучилъ тому же и сестру мою Елену, хорошо игравшую на фортепьяно. Петръ Сергѣевичъ, проведя 30 лѣтъ на службѣ, отвыкъ отъ женскаго общества и потому казался дикаремъ и оригиналомъ. До 45 лѣтъ онъ лишь изрѣздка наѣзжалъ на короткое время въ свою семью.—Второй братъ Николай Сергѣевичъ служилъ въ Петербургѣ по министерству, былъ набоженъ, принадлежалъ къ масонской ложѣ, рѣдко бывая у родителей. Умеръ онъ молодымъ. На похороны его собралось много нищихъ, которыхъ онъ тайно содержалъ на свое жалованье.—Былъ у дяди и побочный сынъ Александръ Васильевичъ Александровъ, воспитывавшійся съ законными дѣтьми, а затѣмъ опредѣленный въ университетъ на медицинскій факультетъ, гдѣ учился хорошо. Во время пожара Москвы онъ оставался въ ней; попавъ въ плѣнъ, притворился хромымъ

и кривымъ, показалъ взявшимъ его Французамъ знаками, что умѣетъ готовить кушанье и былъ опредѣленъ ими къ ихъ начальнику на кухню. Цѣлыхъ двѣ недѣли готовилъ онъ на кухнѣ и кололъ дрова, хромая и съ закрытымъ глазомъ. Когда же къ нему привыкли и стали оставлять безъ присмотра, въ одну темную ночь нашъ хромой получилъ употребленіе обѣихъ ногъ, такъ что благополучно бѣжалъ и пѣшкомъ явился къ роднымъ въ Бутырки. Но тутъ, къ несчастью, влюбился онъ въ хорошенькую Елену Сергѣевну Протопопову и, зная, что онъ ей побочный братъ, долженъ былъ покинуть родину и поступилъ врачемъ въ одинъ изъ полковъ. Въ первомъ же сраженія ему оторвало руку, затѣмъ ногу, и такъ кончилась его короткая жизнь.

Изъ пяти сестеръ Протопоповыхъ ни одна не вышла замужъ; хотя навертывались соотвѣтствующіе женихи, но онѣ предпочли не разставаться и жить дружно одной семьей, а когда Петръ Сергѣевичъ, будучи въ отставкѣ полковникомъ, женился, онѣ посвятили себя воспитанію его дѣтей.

Въ числѣ родственниковъ у Протопоповыхъ былъ нѣкто Кутузовъ съ девятью дочерьми и сыномъ. Дочери были всѣ хороши собою. Мать, женщина капризная, своевольная, оставшись вдовою, не взлюбила одну изъ дочерей, Софью Дмитріевну, и не давала ей пріюта кромѣ дѣвичьей, гдѣ въ обществѣ прислуги она сиживала на окнѣ и вязала чулокъ. Тетка моя, видя нелюбовь матери къ ребенку, взяла ее къ себѣ въ домъ. Кузины очень полюбили ее, начали учить каждая чему могла; особенно занялись образованіемъ дѣвочки двѣ старшія сестры, Александра и Марья и, когда братъ Петръ вышелъ въ отставку, онъ нашелъ Соничку 15-ти, лѣтъ жившую въ его семьѣ какъ родная. У нея были прекрасный голосъ, ростъ и пріятное лицо. Мать совсѣмъ ее забыла и не видалась съ нею, такъ что и по смерти тетки она осталась въ домѣ Протопоповыхъ. Петръ Сергѣевичъ, занимаясь съ нею музыкой, къ ужасу своему почувствовалъ, что не равнодушенъ къ дѣвочкѣ, приходившейся ему двоюродной племянницей, а потому смотрѣвшей на него съ почтеніемъ, какъ на старшаго дядю. Сестры стали замѣчать дикій, блуждающій взглядъ и безпокойство брата, такъ что боялись, не заболѣлъ ли онъ. Хозяйство онъ совсѣмъ забросилъ, сидитъ на полу, раскладывая пасьянсы, выдумывая новые; бранитъ Соничку, сердится на нее или совсѣмъ молчитъ. Разъ великимъ постомъ онъ остановилъ Соню, когда она собиралась съ другими въ церковь; велѣлъ ей воротиться и, оставшись съ ней наединѣ, сталъ бранить ее, какъ смѣетъ она воображать, что она ему нравится и что онъ хочетъ на ней жениться. Соня со слезами стала увѣрять, что ничто подобное ей въ голову не приходило. Сестры едва успокоили

ее и принуждены были отвезти къ родной матери. Петръ Сергѣевичъ, съ своей стороны, тоже уѣхалъ неизвѣстно куда, объявивъ дома, чтобы его не ждали ранѣе мѣсяца. Отъ кучера узнали, что онъ поѣхалъ въ Тулу. Соня же болѣе прежняго страдала отъ упрековъ матери, увѣренной, что дурной нравъ былъ причиной отсылки ея изъ дома Протопоповыхъ. Прошелъ постъ, разливъ рѣкъ послужилъ новымъ препятствіемъ къ возвращенію брата; но наконецъ онъ возвращается радостнымъ, какъ бы переродившимся и разсказываетъ, что выхлопоталъ разрѣшеніе жениться на близкой родственницѣ. Для этого, получивъ отказъ отъ епархіальнаго начальства, поѣхалъ онъ въ Москву къ митрополиту Филарету и объяснилъ ему дѣло и отношенія 15-лѣтней дѣвочки къ матери и къ нему самому. Митрополитъ принялъ въ немъ большое участіе и далъ ему собственноручное письмо для доставленія Тульскому епископу, приблизительно такого содержанія: «Удивляюсь я строгости вашей въ исполненіи постановленій Церкви; разберите обстоятельства лицъ ищущихъ вашего разрѣшенія ко вступленію въ брачный союзъ. Не буквальнаго примѣненія уставовъ Церкви требуется отъ насъ, а съ разсужденіемъ и разсмотрѣніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла; а потому совѣтую разрѣшить подателю сего исполненіе его желанія, чѣмъ избавите молодую чету отъ грѣха, а сего господина, можетъ быть, сохраните отъ самоубійства». (И на самомъ дѣлѣ братъ въ то время былъ къ подобному исходу близокъ). Чрезъ двѣ недѣли вернулась Соня съ матерью, и бракъ состоялся безотлагательно. Слѣдствіемъ его была счастливая жизнь и многочисленная семья. Въ концѣ концовъ, и мать Сони возвратила ей свое расположеніе, согласясь, что дочь вовсе не заслуживала ея пренебреженія. Но я зашла далеко впередъ.

Проживъ половину зимы у Протопоповыхъ, мы всей семьей поѣхали саннымъ путемъ въ Тамбовскую губернію къ другой сестрѣ отца, Александрѣ Алексѣевнѣ, и къ жившимъ съ нею братьямъ Юрію, Дмитрію и Алексѣю. Александра Алексѣевна, оставшись дѣвицей, приняла на воспитаніе дочь бѣдной сосѣдки своей Поповой Катерину Степановну; чтобы дѣвочкѣ не было скучно, взята была въ домъ сирота изъ дворовыхъ Катя и содержана почти наравнѣ съ барышней, что̀ возвысило ее очень въ собственныхъ глазахъ. Будучи ряба и некрасива, она выходила гулять не иначе какъ въ перчаткахъ, подъ вуалью и съ книгою въ рукахъ. Она обладала искусствомъ прекрасно вышивать шелками картины и образа, замѣняя канву кисеей, такъ что трудно было отличить вышиванье ея отъ рисунка. Этимъ она заработывала немало денегъ, и когда Александра Алексѣевна на старости впала въ бѣдность, она помогала ей изъ своихъ средствъ. Ра-

боты свои она поставляла въ столичные магазины.—У тетки была также, по обычаю того времени, дура-шутиха изъ ея же крестьянокъ, истинная обезьяна лицомъ и понятіями, но столь преданная своей Александрѣ Алексѣевнѣ, что ничто не могло ее удалить отъ нея даже на минуту: ночью она сидѣла на скамеечкѣ у постели ея и спала, прикурнувъ къ кровати. Водили ее въ очень пестрыхъ красныхъ платьяхъ и красныхъ же сафьяновыхъ башмакахъ, на которыхъ золотомъ было вышито, на одномъ «Поля», на другомъ «Дура». Этимъ она восхищалась и всѣмъ и каждому показывала свои башмаки. Бисеръ былъ тогда рѣдкостью; въ 1812 году съ нимъ только что познакомились, и вотъ сестры мои и кузины принялись за эту новую работу. Понравился и Полюшкѣ бисеръ; все проситъ подарить ей хотя ниточку. Получивъ его немного, она съ хохотомъ убѣжала и долго пропадала, когда же вернулась, ее спрашиваютъ, гдѣ была? «Да вотъ, моя Александра Алексѣвна, твои скупыя племянницы дали мнѣ мало бисеру, такъ я вскопала грядку и посѣяла его. Когда взойдетъ и будетъ его много, я имъ и сама не дамъ, а вышью тебѣ платокъ бисеромъ да красные сапожки съ каблуками». Тетка моя была набожна, и передъ образами въ спальнѣ ея всегда горѣли лампады, присмотръ за которыми порученъ былъ Полѣ. Одинъ изъ образовъ изображалъ искушеніе Іисуса Христа діаволомъ, державшимъ въ рукѣ камень. Разъ Поля поставила передъ нимъ лишнюю свѣчу; спрашиваютъ ее: зачѣмъ? «Да вотъ моя Александра Алексѣвна все забываетъ вотъ *Этого*, а все ставитъ свѣчки *Тому*, такъ я за нее и прилѣпила теперь *Этому*; а то пожалуй онъ осердится». Съ нами былъ молодой, бойкій кучеръ Иванъ, понравившійся Полѣ, которая приставала къ теткѣ: «отдай меня за кучера Ивана».—«Пожалуй», отвѣчаетъ тетка, «если онъ тебя возметъ». Побѣжала дурочка на конюшню и, послѣ многихъ объясненій и смѣха, конюхи заложили нѣсколько троекъ съ колокольчиками и бубенцами, усадили Полюшку всю въ лентахъ и цвѣтахъ, набрали молодыхъ дѣвушекъ и парней со скрипками и гудками, съ Иваномъ во главѣ, и повезли невѣсту версты за три въ село, обвезли три раза кругомъ церкви и привезли обратно. Поля осталась вполнѣ довольна и увѣрена, что она повѣнчана съ Иваномъ По кончинѣ тетки Поля проводила время на ея могилѣ или на крутомъ берегу Дона, гдѣ сядетъ у березовой рощи на обрывъ, спустя съ него ноги, и плачетъ, и воетъ, закрывъ лицо руками. Ее не въ силахъ были вернуть и вынуждены были выстроить ей хатку-сторожку на обрывѣ, изъ опасенія, что она замерзнетъ или свалится въ рѣку. Такъ прожила она года три и умерла на могилѣ тетки, какъ вѣрный сторожъ ея праха.

Живя у родственниковъ то въ Епифанскомъ уѣздѣ, то въ Лебедянскомъ (куда съ нами переселялись на время и кузины Протопоповы) мы, молодежь, человѣкъ 13, вовсе не смущались мыслію, что, можетъ быть, врагъ въ это самое время разоряетъ наше родимое гнѣздо. Но родители наши печалились немало за сыновей своихъ, находившихся подъ вражьей пулей. Къ Святкамъ пріѣхалъ и дядя Иванъ Алексѣевичъ изъ своей Фатежской деревни съ двумя дочерьми, Елисаветой и Ольгой. Елисавета была уже помолвлена за Нѣмца, капитана Фонъ-Шмита. Свадьба была отложена до окончанія войны, а такъ какъ, по понятіямъ того времени, вести переписку невѣстѣ съ женихомъ не считалось строго приличнымъ, то Фонъ-Шмитъ далъ слово невѣстѣ, что она всегда будетъ знать о немъ изъ газетъ, между военными реляціями, и умѣлъ такъ сдѣлать, что она нерѣдко узнавала, что капитанъ Ф. Шмитъ посланъ туда-то, былъ тамъ-то и т. п.

По поводу этихъ такъ весело проведенныхъ Святокъ, припоминаю нашъ переѣздъ изъ Бутырокъ въ Брусланово, глубокой зимой. Такъ какъ семья Протопоповыхъ присоединилась къ намъ, то мы потянулись немалымъ обозомъ. Въ степныхъ губерніяхъ и теперь часто дороги непроѣзжны; селенія были тогда рѣдки и, не смотря на то, что караванъ нашъ имѣлъ провожатыхъ изъ тамошнихъ жителей, намъ случилось потерять дорогу, и мы цѣлые сутки провели въ чистомъ полѣ, занесенные снѣгомъ; а какъ лошади не имѣли корма и очень ослабѣли отъ ѣзды по сугробамъ, то рѣшено было послать впередъ тотъ экипажъ, который казался полегче, чтобы прокладывать слѣдъ. И вотъ двѣ сестры мои легли въ свои открытыя сани, закутанныя въ шубы, прямо на постель; ихъ накрыли другой постелью, увязали поверхъ рогожей и веревками, на облучокъ сѣлъ самый смышленный изъ кучеровъ, и онѣ поѣхали впередъ, вальсируя при встрѣчѣ съ громаднымъ сугробомъ и дѣлая круги на одномъ мѣстѣ, чтобы разчистить путь остальнымъ кибиткамъ. Такъ ѣхали мы очень долго, не зная сами гдѣ. Какова же была радость наша, когда уже вечеромъ мелькнулъ огонекъ въ далекѣ! Не болѣе радуется морякъ, увидя, темной ночью, береговой маякъ. Этотъ путеводный огонекъ привелъ насъ, оказалось, къ сосѣдямъ тетки, Хрущовымъ, вокругъ усадьбы которыхъ мы кружились двое сутокъ. Радушные хозяева готовы были принять насъ съ удовольствіемъ; но когда мы прежде всего конечно захотѣли обогрѣться, оказалось это затруднительнымъ: г-жа Хрущова только за сутки разрѣшилась отъ бремени, а потому спальня ея была хорошо натоплена, весь же остальной домъ экономный хозяинъ нашелъ лишнимъ нагрѣвать, расчитывая, что дѣти его, которыхъ было четверо, нагрѣются играя и танцуя, а учитель ихъ удовольствуется своимъ

тулупомъ. Дровъ въ той сторонѣ было мало, хорошо натопить большой домъ дорого, особенно если, какъ въ данномъ случаѣ, окна побиты и заткнуты тряпками; а соломой топить считалось для помѣщика унизительнымъ. Такимъ образомъ мы, горемычныя, должны были остаться въ шубахъ, а старшіе наши пошли въ комнату родильницы, гдѣ съ грѣхомъ пополамъ нашли на чемъ сѣсть и отдохнуть хотя нѣкоторое время. Хозяинъ сталъ угощать насъ домашнимъ оркестромъ, предлагая принять участіе въ пляскѣ его дѣтей, изъ которыхъ старшему было 10 лѣтъ; но мы отказались. Наконецъ, подали ужинъ, къ счастью горячій, такъ какъ приготовленъ онъ былъ для пріѣзжихъ. Хотя намъ всѣмъ хотѣлось чего либо теплаго, но болѣе всѣхъ ужину повидимому радъ былъ учитель, который такъ плотно принялся за него, что съ достовѣрностью можно было предположить о скудости обѣда бывшаго у Хрущовыхъ въ тотъ день. Этотъ учитель, увидя себя въ такомъ большомъ обществѣ дѣвицъ, счелъ нужнымъ украсить себя огромнымъ бѣлымъ галстухомъ, крѣпко накрахмаленнымъ, доходившимъ до верхней части уха. Эта мода называлась à l'anglaise. Галстухъ долженъ былъ подвязываться весьма слабо, служа ящикомъ для нижней части лица; волосы сзади выстригались въ гладь, спереди же оставлялся кокъ похожій на пѣтушій гребень и высоко зачесанный отъ лба къ маковкѣ. Не смотря на наши злоключенія, мы очень забавлялись видомъ этой головы, когда, голодная, она начала усердно работать верхней частью, опуская ее на нижнюю, лежавшую неподвижно въ бѣломъ футлярѣ. У этихъ Хрущовыхъ принуждены мы были провести двое сутокъ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и переждать бушевавшую мятель. До тетушки оставалось верстъ сорокъ; но и туда мы не могли доѣхать, не переночевавъ на полпути въ курной избѣ: до такой степени все было занесено снѣгомъ.

Брусланово расположено на высокомъ берегу Дона. Полукруглый балконъ выходилъ изъ гостиной въ садъ или лучше сказать просѣченный дорожками кустарникъ изъ вишенъ, сливъ, тёрна и другихъ плодовыхъ деревъ, растущихъ по Дону безъ всякаго ухода и дающихъ неисчислимое количество ягодъ и плодовъ. Домъ былъ довольно большой съ флигелями и церковью, все деревянное на каменномъ фундаментѣ, что въ Тамбовской губерніи почиталось роскошью по дороговизнѣ строеваго лѣса. Наша семья заняла флигель въ 6—7 комнатъ, въ другомъ поселились Протопоповы; съ утра сходились въ домъ на весь день. Святки собрали сюда же и сосѣдей, и начались разныя затѣи: фанты, гаданья, маскарады. Кузина Марія Протопопова, склонная къ поэзіи, взялась сочинить нѣсколько короткихъ куплетовъ разнообразнаго содержанія, каждый изъ которыхъ имѣлъ цѣлью опре-

дѣлить судьбу того, кому онъ достанется. Одна изъ сестеръ была одѣта Пандорой, въ бѣломъ легкомъ платьѣ, съ полузавѣшеннымъ вуалью лицомъ; на головѣ зеленый вѣнокъ, сдерживавшій вуаль; чрезъ плечо, на зеленой лентѣ висѣлъ ящикъ съ сочиненными стихами на отдѣльныхъ билетахъ, которыя наша вѣщательница и раздавала каждому, какой попадется. Другая, одѣтая «Гебой», подносила каждому желающему нектаръ Олимпа въ видѣ оршада и лимонада въ серебряномъ кувшинѣ. Третья была Весталкой, хранила священный огонь въ жаровнѣ, и такъ далѣе. Меня нарядили въ казацкую курточку съ галуномъ, такую же шапку, и мнѣ это такъ нравилось, что и теперь, чрезъ полвѣка, мерещится мнѣ, какъ я въ нарядѣ этомъ стою на стулѣ и стараюсь выдѣлывать казачка, подражая горничнымъ нашимъ, принимавшимъ участіе въ маскарадѣ.

Къ Пасхѣ всѣ мы три родственныя семьи поѣхали къ дядѣ Ивану Алексѣевичу въ его имѣніе Желень, Фатежскаго уѣзда, гдѣ и прожили не разставаясь до Іюня 1813 года, когда отецъ мой отправился одинъ въ свою Смоленскую губернію, чтобы посмотрѣть что̀ сталось съ нашимъ Покровскимъ; но, найдя дороги еще небезопасными, онъ вернулся обратно, и мы лишь поздней осенью перебрались на старое пепелище, гдѣ нашли запустѣнье какъ въ домѣ, такъ и въ церкви и въ службахъ. Все что̀ могло быть взято, пропало; окна выбиты, полы разобраны, мебель переломана, фортепьяно по косточкамъ расхищено, даже все желѣзо изъ печей выбрано. Тутъ мы узнали, что едва выѣхали мы изъ усадьбы, какъ крестьяне начали сходиться къ дому, а дворовые, напротивъ, разбѣжались. Захвативъ свои пожитки, попрятались они въ высокую и густую рожь, большею частію остававшуюся еще на корню. Съ ними спряталась и жена управителя съ дѣтьми, что̀ помѣшало Поляку-управителю выдать бѣглецовъ непріятелю, какъ онъ намѣревался. Но ранѣе появленія Французовъ разбушевались крестьяне, требуя отъ Гульчинскаго вина, такъ какъ у отца былъ небольшой винокуренный заводъ. Гульчинскій струсилъ, отворилъ подвалъ, самъ пилъ съ крестьянами, пока они всѣ не свалились съ ногъ и не полегли въ повалку, а выспавшись пошли грабить домъ, ломать и забирать, что̀ могли. Въ дальнемъ уголкѣ дома нашли они древняго старичка Дмитрія Герасимовича Морошкина, во время оно бывшаго семинаристомъ и учившаго моего отца: буки азъ-ба. Мы звали его дѣдушкой. Онъ ходилъ въ старинномъ платьѣ, носилъ косичку изъ сѣдыхъ волосъ съ чернымъ бантикомъ на концѣ, а на плечахъ овчинный тулупъ крытый голубой китайкой, имѣлъ свою комнату во флигелѣ и мальчика для прислуги, а обѣдалъ съ нами. Мы его всѣ уважали, такъ что не знавшіе нашихъ отношеній принимали его за на-

шего дѣйствительнаго дѣда. Морошкинъ началъ уговаривать крестьянъ усмириться; но они, вообразивъ, что онъ человѣкъ денежный, стали его бить и свалили съ береговой кручи въ крапиву, гдѣ онъ и пролежалъ трое сутокъ. Тогда Французы еще не появлялись и только высылали передовыхъ набирать провіантъ, гдѣ могли, подъ начальствомъ офицера, который нашелъ домъ нашъ уже ограбленнымъ, окна выбитыми и попалъ какъ разъ въ ту минуту, когда крестьяне собрались домъ поджечь. На одной изъ стѣнъ нашихъ комнатъ уцѣлѣлъ какъ-то портретъ старшей сестры моей, чрезвычайно симпатичной наружности. Выраженіе лица ея поразило молодого офицера своею пріятностію; онъ объявилъ себя родственникомъ нашимъ и остановилъ грабежъ, пригрозивъ, что разстрѣляетъ всякаго ослушника. Крестьяне послѣ этого разбѣжались, а онъ увезъ съ собою портретъ. Все это происходило дня за три до 15-го Августа. Но вотъ наступило и оно. Священникъ села, Петръ Степановичъ Бѣлогорскій, видя, что въ село наѣзжаютъ лишь партіи казаковъ или мелкіе отряды непріятеля, главная же армія не показывается, рѣшился, ради праздника Успенья, служить обѣдню. Церковь однако не привлекла молящихся своимъ благовѣстомъ. Уже пропѣли Херувимскую, и священникъ съ дьякономъ Іаковомъ приступили къ большому выносу, стараясь не обращать вниманія на приближавшійся шумъ и топотъ, какъ вдругъ главныя западныя двери съ шумомъ отворились, и изъ нихъ посыпались Французскіе солдаты въ киверахъ и полной амуниціи. «Вы не можете представить себѣ моего положенія!» разсказывалъ намъ впослѣдствіи отецъ Петръ. «Боюсь выйти изъ алтаря; думаю, убьютъ, вырвутъ потиръ изъ рукъ; поджилки, руки, ноги такъ и ходятъ, такъ и ходятъ отъ страха; наконецъ, рѣшаюсь, говорю дьякону: выйдемъ; что̀ Богу угодно, пусть то и будетъ! Вышли мы оба съ сосудами, а церковь вмѣсто обыкновенныхъ прихожанъ полнехонька солдатами съ ружьями; но всѣ стоятъ смирно. Начинаю поминать Государя Александра Павловича; лишь вымолвилъ имя, непріятели, какъ видно, поняли и мгновенно крикнули, какъ одинъ человѣкъ: «Наполеонъ, Наполеонъ!» Нечего дѣлать, грѣшный человѣкъ помянулъ я тутъ и Наполеона; они, услыша это, закричали: «виватъ, виватъ»! Затѣмъ успокоились и стояли чинно до конца службы и по отпустѣ, когда я благословилъ предстоящихъ, вышли изъ храма вслѣдъ за своимъ начальникомъ; а мы давай Богъ ноги, схватили что̀ поцѣннѣе изъ утвари да скорѣе попрятались въ рожь, гдѣ уже нашли свои семьи, а церковь заперли, оставивъ на произволъ судьбы. Ночью, видя, что все тихо, мы снова къ ней прокрались, нашли все въ цѣлости и, какъ могли, попрятали церковныя вещи, что̀ подъ полъ, подъ каменныя плиты, что̀ въ слуховыя окна. Во ржи проси-

дѣли мы цѣлую недѣлю, мѣняя мѣста́, питаясь зернами, растирая колосья въ ладоняхъ. Узнавъ, что непріятель двинулся далѣе, мы рѣшились выйти и нашли наши дома ограбленными, церковь же въ цѣлости». До самой смерти отецъ Петръ совѣстился, что вынужденъ былъ помянуть Наполеона и только утѣшался соображеніемъ, что иначе, можетъ быть, не уцѣлѣлъ бы храмъ.—По уходѣ великой арміи къ Москвѣ, остались поля и луга вытоптанными, строенія разграбленными и пустыми; въ такомъ видѣ и нашли мы ихъ, возвратясь. Еще въ Іюнѣ 1813 года, когда отецъ пріѣзжалъ одинъ, поля были не паханы, а крестьяне въ отлучкѣ. Гульчинскій, подъ предлогомъ необходимости показывать дорогу врагу (къ чему его, какъ онъ говорилъ, принуждали) бросилъ жену и дѣтей и ушелъ со своей любовницей, сдѣлавшейся маркитанткой у враговъ и затѣмъ пропавшей; онъ же, узнавъ, что жена его и дѣти пользуются по прежнему спокойной жизнью у насъ, тоже вернулся и сложилъ все свое двусмысленное поведеніе на необходимость повиноваться силѣ. Батюшка тотчасъ объявилъ крестьянамъ, что онъ взыскивать съ нихъ и наказывать ихъ не будетъ, и они мало-по малу начали возвращаться; но поля остались незасѣянными, и намъ трудно было извернуться. Добрые родные наши, сколько могли, помогли намъ; но и они испытали на себѣ бѣдствія того года, хотя непріятель у нихъ и не былъ; а потому мы принуждены были заложить имѣніе въ банкъ, что́ и положило начало задолженности нашей семьи, отъ которой болѣе не могли мы освободиться. До 1812-го года жили мы почти роскошно, воспитаніе всѣхъ насъ стоило немало. Кромѣ того въ нашемъ же домѣ получили безвозмездно воспитаніе и образованіе двѣ дѣвицы хорошихъ семействъ, но безъ средствъ къ жизни, упомянутая уже мною Елисавета Яковлевна Ганичева и Екатерина Алексѣевна Борисова. Родители мои имѣли на столько средствъ, что купили хорошій домъ въ Смоленскѣ, куда, также какъ и въ Москву, матушка съ старшими дочерьми ѣздила для свиданья съ родными. Но во время взятія Смоленска Французами, нашъ домъ сгорѣлъ до тла, и въ немъ погибъ братъ нашей няни Петръ Семеновичъ, пріѣхавшій съ родителями моими изъ Сибири.

Послѣ 1812-го года мы уже не были въ состояніи часто ѣздить въ Москву, а родные наши, тамъ жившіе, разбрелись въ разныя стороны. Бывшій домъ бабки моей, весь обгорѣлый, былъ проданъ сыновьями ея, такъ же какъ и въ конецъ разоренное подмосковное имѣніе ея, Опалиха. Братьевъ нашихъ мы не видали до возвращенія войскъ изъ Парижа; но и тогда старшій Сергѣй, назначенный въ западныя губерніи для обученія рекрутъ, не заглянулъ домой. Алексѣй, оставаясь адъютантомъ при Репнинѣ, переходилъ съ

нимъ за Рейнъ и обратно, а по заключеніи мира былъ командированъ въ Молдавію содержать карантинную цѣпь по случаю открывшейся тамъ чумы. Письма его доходили къ намъ проколотыя и прокуренныя, мы же, получивъ, напитывали ихъ хлоромъ, а по прочтеніи мыли руки уксусомъ. Всѣхъ братьевъ нашихъ, родныхъ и двоюродныхъ, было на войнѣ восемь человѣкъ и, не смотря на участіе ихъ въ самыхъ жаркихъ битвахъ, всѣ они, по особому какому-то счастью, остались живы, тогда какъ подъ Бородинымъ, напримѣръ, рядомъ съ ними, товарищи ихъ, два брата Тучковы, были оба убиты на повалъ.

Съ возвращенія нашего домой, началось мое и сестры Елены (немного старше меня) образованіе, порученное родителями нашими старшей дочери Надеждѣ Сергѣевнѣ, посвятившей всю себя нашему воспитанію. Другія сестры также принимали участіе въ этомъ, но лишь во время отсутствія старшей, что̀ бывало рѣдко, а потому я привыкла видѣть въ ней вторую мать и благодѣтельницу. Отецъ нашъ до того времени не былъ еще совершенно слѣпъ. Случалось, онъ поставитъ меня на стулъ противъ свѣта и старается разглядѣть черты мои; могъ онъ еще читать немного, но больше слушалъ чтеніе своего слуги Сергѣя Зотова, бывшаго при немъ неотлучно въ должности секретаря. По смерти его стали ему читать и писать дочери, болѣе всѣхъ Елена, почти младшая; но въ серьезныхъ случаяхъ батюшка болѣе всѣхъ довѣрялъ старшей Надеждѣ, и тогда въ занятіяхъ со мною замѣняли ее другія сестры. Въ свою очередь, матушка не любила выѣзжать никуда безъ той же старшей дочери, которая, кромѣ того, завѣдывала и лѣченіемъ больныхъ приходящихъ крестьянъ, такъ что время ея было постоянно до крайности занято.

Не имѣя уже возможности ѣздить въ Москву, матушка съ дочерьми, въ первые годы послѣ 1812 г. живала иногда по зимамъ въ губернскомъ городѣ Смоленскѣ, нанимая тамъ домъ. У насъ составился хорошій кругъ знакомыхъ. Я еще была маленькой дѣвочкой, когда участвовала въ этихъ поѣздкахъ. Помню, разъ взяли меня на танцовальный вечеръ къ старинной знакомой нашего семейства Марьѣ Ивановнѣ Пассекъ; на меня, семилѣтнюю, такъ подѣйствовала хорошая музыка, что я расплясалась неудержимо, особенно при звукахъ Русской пѣсни, игранной для пляски двухъ дѣвицъ, хорошо плясавшихъ. Моя развязность очень понравилась толпѣ мущинъ, которые меня подхватили и унесли на рукахъ въ карточную, гдѣ и накормили конфетами. Няня съ трудомъ отыскала меня, чтобы уложить спать. Подобные случаи бывали однако рѣдко: меня обыкновенно укладывали въ постель рано, оставляя съ нянею дома. Г-жа Пассекъ жила обыкновенно въ 40 верстахъ отъ нашего Покровскаго съ двумя дочерьми.

Съ одной изъ нихъ Елисаветой Ѳедоровной, бывшей въ замужствѣ за Григоріемъ Михайловичемъ Энгельгартомъ, была очень дружна моя мать. Дѣти Елисаветы Ѳедоровны были ровесники мнѣ и сестрѣ Еленѣ Сергѣевнѣ. Припоминаю еще одинъ вечеръ. Мнѣ было около 10 лѣтъ. Давался балъ въ домѣ дворянскаго собранія. Мать со старшими дочерьми отправились закостюмированныя, такъ какъ это былъ bal masqué. Матушкѣ было тогда лѣтъ 45, но она была все еще хороша, въ полномъ смыслѣ belle-femme; къ ней чрезвычайно шелъ бѣлый атласный сарафанъ съ золотымъ галуномъ и блестящими пуговицами изъ крупныхъ розъ (Сибирскій горный хрусталь), также какъ и кокошникъ расшитый жемчугомъ и золотомъ съ длинной до самаго пола фатой изъ бѣлаго же пикинета, тоже шелковаго, вышитаго (это то, что̀ нынѣ называется тюлемъ). Она была замѣчательно красива въ этомъ нарядѣ, чистый типъ Русской боярыни. Какъ только онѣ уѣхали, отецъ мой, до глубокой старости любившій жену безумно, захотѣлъ сдѣлать ей сюрпризъ, нарядившись старымъ Евреемъ, въ ермолкѣ, лапсердакѣ съ длинными полами и, подходящимъ образомъ нарядивъ меня, взялъ меня поводырькомъ слѣпаго. Такъ мы и явились въ залу собранія. Но въ дверяхъ цѣлая стѣна черныхъ фраковъ и мундировъ преградила намъ путь. Не видя возможности двинуться далѣе, я не знала что̀ мнѣ дѣлать. Къ счастью, примѣтила я, въ нѣкоторомъ разстояніи, знакомаго, пожилаго господина Богдана Николаевича Воронца, стоявшаго въ толпѣ. Воронецъ меня всегда ласкалъ, привозилъ конфетъ, а я его звала кумомъ. И тутъ я закричала, что̀ было силы: «Кумъ, кумъ, подите сюда!» Онъ узналъ мой голосъ и, подойдя, вывелъ насъ на просторъ. Всѣ знакомые встрѣтили отца радостно, а меня усадили къ двумъ сестрамъ Лярскимъ, однихъ со мною лѣтъ (третья сестра ихъ, Анна Ильинишна, считалась красавицей; но ее портило слишкомъ длинное горло, какимъ были одарены и остальные члены этого семейства, почему оно и походило на стадо гусей). Отецъ въ свое время любилъ играть въ карты; но, замѣтивъ, что слѣпотой его часто пользуются въ ущербъ ему, онъ отказался отъ игры. Нравъ его отъ природы былъ ровный, веселый, и уже старикомъ ему случалось принимать участіе въ увеселеніяхъ молодежи. Нѣкоторыя изъ дѣвицъ съ удовольствіемъ руководили своего слѣпаго кавалера, если ему приходила фантазія протанцовать съ ними. У насъ также бывали танцовальные вечера, собиравшіе многочисленный кругъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ была большая семья Бородуличевыхъ. Одна изъ дочерей была настолько же некрасива, насколько была хороша ея меньшая сестра. Эта бѣдная дурнушка, просидѣвъ весь вечеръ въ углу у печки, не смотря на трудъ приложенный ею къ своему наряду, при отъѣздѣ

сказала во всеуслышаніе: «Благодарю васъ, Екатерина Яковлевна, за угощеніе; я имѣла удовольствіе порядочно у васъ выспаться». Съ тѣхъ поръ она перестала выѣзжать, потому что вѣсть объ ея выходкѣ разнеслась по городу, и никто окончательно не сталъ ее приглашать.

На девятомъ году стала я учиться на клавикордахъ (нынче фортепьяно) у сестры Елены, которая играла хорошо. Она и старшія сестры брали уроки у довольно талантливаго музыканта изъ дворовыхъ, крѣпостнаго человѣка сосѣда нашего Хлюстина, изъ села Мархоткина. Онъ же слѣдилъ и за моими уроками. Въ товарищи мнѣ взяли небогатую сосѣдку Елисавету Константиновну Эйсмондъ, дочь управляющаго того же богатаго сосѣда Хлюстина. Лиза много лѣтъ жила у насъ, безплатно пользуясь всѣмъ, а также и уроками вмѣстѣ со мною. Она училась хорошо и вышла вполнѣ порядочной особой, но во мнѣ симпатіи не возбуждала своимъ насмѣшливымъ характеромъ. Она меня звала «гугнявкой», потому что я не ясно выговаривала нѣкоторыя слова, а лѣтъ въ 11 даже совсѣмъ онѣмѣла на нѣкоторое время.

Около того же времени познакомились мы съ семьей Якова Ѳедоровича Бунакова, съ его сыномъ и девятью дочерьми. Въ старину ярмарки служили сигналами къ увеселеніямъ, и во время Вяземской ярмарки, называвшейся «горкой», въ числѣ другихъ съѣзжавшихся дворянъ пріѣзжала наша семья и проживала въ имѣніи Бунаковыхъ «Азаровѣ», въ 5—6 верстахъ отъ Вязьмы. Изъ этой небогатой семьи старшая дочь, Елисавета Яковлевна, въ 1812-мъ году, была уже замужемъ за Потуловымъ. Вторая, Елена, была очень хороша собою. Во время отечественной войны нѣкто Слуцкій, перекрестъ изъ Евреевъ, крестникъ Государя, взялъ какую-то поставку на войско, нажилъ милліонное состояніе и женился на Еленѣ Бунаковой. Деньги хранилъ онъ въ ящикахъ, обитыхъ листами золота для червонцевъ и листами серебра для серебряныхъ монетъ, а мѣдью для мѣдныхъ. Онъ купилъ большое имѣніе на имя жены и наряжалъ ее въ бархатъ и соболи. Онъ же помогъ нажиться третьему зятю Бунаковыхъ, Керну, предоставивъ ему поставку холста на армію. Бунаковы беззастѣнчиво говорили всѣмъ, кто хотѣлъ ихъ слушать: «Представьте, ma chère, онъ только по одной копѣечкѣ отъ каждаго аршина откладываетъ; что̀ значитъ для казны одна копѣйка?» И вотъ изъ этихъ-то копѣечекъ составилось у Керна имѣніе въ 300 душъ въ Сычевскомъ уѣздѣ, а у Потулова въ 400 душъ. Старики Бунаковы продолжали еще жить довольно стѣсненно, и когда случалось сестрамъ моимъ бывать у нихъ во время ярмарки, то остальныя дочери Бунаковы пользовались лисьими шубами ихъ для катанья, въ свои же заячьи шубы закутывали своихъ гостей. Не совсѣмъ выгодный обмѣнъ! Эта семья пріѣзжала

иногда гостить къ намъ въ Покровское. Бунакова сынъ Ѳедоръ подружился съ братомъ моимъ Яковомъ, сталъ ухаживать за сестрой Екатериной Сергѣевной и, возбудивъ въ ней интересъ къ себѣ, бросилъ, промѣнявъ ее на третью сестру мою, Елисавету Сергѣевну, что̀ чуть было не повело къ семейнымъ непріятностямъ. Разрѣшилось все довольно грустно: обѣ сестры, отъ природы нервныя, захворали такъ, что матушка рѣшилась везти ихъ на Липецкія воды, которыя тогда уже были извѣстны цѣлебными качествами, а такъ какъ я въ то время вдругъ онѣмѣла, то взяли и меня, а со мною вмѣстѣ и подругу мою Лизу Эйсмондъ. Сказанный Бунаковъ прозвалъ насъ клубочкомъ съ ниточкой, потому что мы были неразлучны.

И вотъ мы снова отправились въ степныя губерніи. Это было въ 1819 году; отецъ нашъ, совершенно слѣпой, проводилъ однако насъ до Лебедяни, гдѣ и оставался впродолженіе всего нашего лѣченія ваннами. Тогда въ Липецкѣ лучшимъ медикомъ былъ Вандеръ, къ которому и обратились за помощью. Онъ, открывъ мнѣ ротъ, сказалъ: «ничего!», схватилъ лежавшіе на окнѣ ножницы и прямо ко мнѣ въ ротъ. Я закричала отчаянно, отчего упавшій язычокъ поднялся, и нѣмота моя исчезла. Съ тѣхъ поръ всѣ находятъ, что «ma langue est bien pendue». Все лѣто, по окончаніи лѣчебнаго курса, проѣздили мы по роднымъ, изъ которыхъ многіе уже сошли съ земнаго поприща. Доро̀гой мы съ Лизой не переставали учиться. Въ большой дорожной каретѣ нашей всѣ сумки, числомъ 8, въ дверцахъ и по бокамъ были набиты тетрадями и книгами. Старшая сестра задастъ намъ уроки изъ исторіи, географіи и миѳологіи (теперь совсѣмъ заброшенной, тогда же обязательной для порядочно-образованной особы), и мы учимъ ихъ во время пути; а такъ какъ мы ѣздили на своихъ лошадяхъ, то должны были, во время обѣда, давать имъ роздыхъ часа на три, и этимъ пользовалась сестра, чтобы спросить у насъ заданное, усадить писать переводы или подъ диктовку, а также ариѳметическія задачи, такъ что и доро̀гой намъ некогда было глазѣть по сторонамъ. На обратномъ пути близъ Брянска нашли мы Оку въ разливѣ. Долго переправлялись мы на противуположный низкій берегъ, такъ что солнце уже зашло, когда мы на него ступили, и хотя воды на немъ не было, но тины и песку нанесло такъ много, что весь огромный лугъ, шириною около версты, былъ ими покрытъ вмѣстѣ съ тысячами лягушекъ, которыя ежеминутно выскакивали изъ-подъ нашихъ ногъ. Экипажъ остался назади отыскивать болѣе удобнаго переѣзда, мы же пошли впередъ, но потерялись и, перепуганные темнотой ночи, множествомъ гадовъ и оглушительнымъ концертомъ лягушечьихъ голосовъ, спѣшили все впередъ и впередъ, и такъ дошли до знаменитаго тогда глухаго Брянскаго лѣса.

Высокія ели и сосны обступили насъ, и сдѣлалось еще темнѣе. Вдали раздаются удары топора: это крадутъ гдѣ-нибудь казенное дерево, и эхо далеко разноситъ звукъ. Тропу мы чувствуемъ только подъ ногой, потому что она песчана; а чуть свернешь съ нея, иглы, хвои тотчасъ дадутъ знать, что сбились съ пути; глаза же не зги не видятъ и уши не разберутъ, съ какой стороны доносится гулъ отъ колесъ нашихъ экипажей и звуковъ топора. Такъ шли мы одна за другой около часу и въ полголоса окликали одна другую, какъ вдругъ крикъ. Одна изъ насъ бросается въ сторону и потомъ падаетъ на другихъ. «Что̀ съ тобой, Ленушка?» —«Воры, воры! Съ меня стащили платокъ». Воромъ оказалась развѣсистая ель, но съ перепугу мы платка искать не стали и пустились дальше. Наконецъ, послѣ долгаго блужданья, увидѣли мы огонь; подходимъ: это сторожка, постоянное жительство 5—6 солдатъ, караулящихъ казенные Брянскіе лѣса, прославившіеся въ народѣ какъ разбоями, такъ и преданіями о лѣшихъ, русалкахъ и т. п. Небольшая изба, полная дыма отъ простаго табаку-махорки, со стѣнами увѣшенными ружьями и съ полудюжиной солдатъ, была намъ единственнымъ убѣжищемъ въ эту глухую ночь, среди темнаго бора. Не смотря на страхъ нашъ, измученныя, усталыя мы все же заснули, прикорнувъ гдѣ могли, и на завтра, чуть свѣтъ, разыскавъ свою карету, а съ нею и прислугу, выбрались на торную дорогу.

Но я опять должна вернуться назадъ.

Въ 1818 году матушка съ старшими дочерьми ѣздила въ Москву повидаться съ родными. До сихъ поръ я упоминала родныхъ нашихъ со стороны дѣда, Алексѣя Егоровича Николева; со стороны же жены его, бабки нашей Марьи Ивановны Толстой, было тоже немало родни. Ихъ я мало помню. Знаю, что у бабки моей было нѣсколько сестеръ и братьевъ. Былъ старичекъ Сергѣй Васильевичъ Толстой, препочтенной наружности, всегда пенявшій намъ, если мы не называли его дядею или дѣдомъ, доказывая, что онъ намъ двоюродный дѣдъ. Дочь его Прасковья Сергѣевна вышла за князя Александра Щербатова, завѣдывавшаго въ Москвѣ дворцами и многими казенными заведеніями. У нихъ былъ тамъ большой каменный домъ, а въ Малороссіи имѣніе въ 2000 душъ. Въ числѣ считавшихся нашими родственниками былъ сверстникъ мой князь Одоевскій Владиміръ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи писавшій подъ псевдонимомъ «Дѣдушки Иринея», къ тому же хорошій музыкантъ. Кузенами доводились намъ дѣти Алексѣя Грибоѣдова. Мы видались съ дочерьми его Елисаветой Алексѣевной, впослѣдствіи вышедшей за фельдмаршала князя Паскевича, и Софьей Алексѣевной, впослѣдствіи Римской-Корсасовой; кузена же ихъ, извѣстнаго писателя, мы не видали, такъ какъ онъ былъ на Кавказѣ и въ Персіи, гдѣ и

кончилъ трагически. Всѣхъ этихъ родственниковъ мы видали, пріѣзжая въ Москву, что̀ послѣ 1812-го года случалось довольно рѣдко, а потому въ короткихъ связяхъ съ ними быть не могли, хотя они насъ не чуждались. Одна лишь, тоже родная намъ, княгиня Хилкова знать насъ, деревенскую родню, не хотѣла, хотя принимала на родственной ногѣ брата Якова, когда по времени онъ женился и служилъ въ Москвѣ совѣтникомъ; князь же Хованскій Николай Николаевичъ, бывъ въ Смоленскѣ губернаторомъ, радушно принималъ насъ, какъ близкихъ по крови.

Итакъ въ 1818 году матушка поѣхала въ Москву, въ то время какъ великій князь Николай Павловичъ былъ тамъ съ молодой супругой, готовившейся разрѣшиться первенцемъ. Узнавъ однажды, что великій князь гуляетъ на Прѣсненскихъ прудахъ, матушка съ дочерьми отправилась туда; но какъ деревенскія жительницы и любительницы природы, онѣ такъ заинтересовались огромной, очень старой ивой съ желѣзнымъ обручемъ, которымъ сдерживалось готовое распасться дерево, что пропустили минуту, когда проходила мимо нихъ царственная чета.

Слѣдующую зиму провели мы въ Смоленскѣ, нанимая домъ священника на Козловской горѣ, гдѣ родители мои давали вечера, о которыхъ я упоминала; но я въ нихъ не участвовала и, оставаясь въ своей комнатѣ, посылала чрезъ окна воздушные поцѣлуи сосѣдкѣ, черезъ улицу, Еленѣ Павловнѣ Соколовской (впослѣдствіи Лыкошиной), въ то время дѣвочкѣ старѣе меня двумя годами и которую тоже никуда не вывозили. Отецъ ея Павелъ Егоровичъ вторично женился на Аннѣ Андреевнѣ Реадъ. Познакомившись между собою помимо старшихъ, мы наконецъ получили разрѣшеніе видѣться, и я съ Лизой, бывая у Елены Соколовской, играла въ дурочки, причемъ оставшаяся въ дурахъ должна была носить на головѣ ложку жидкаго варенья въ бумагѣ, такъ чтобы не замараться и не пролить; бѣгали осматривать садъ при домѣ, увязая въ сугробахъ рыхлаго снѣга, и возвращались съ ношами конфетъ. Семейство Реадъ было въ числѣ нашихъ знакомыхъ и принадлежало къ лучшему губернскому обществу. Сестра Анны Андреевны, Екатерина вышла потомъ за Радванскаго; братья ихъ часто бывали у насъ.

Въ 1820-мъ году на лѣто въ Покровское съѣхались къ намъ всѣ Протопоповы съ Соничкою и дядя Алексѣй Алексѣевичъ, который устроилъ себѣ дорожный экипажъ, тогда нигдѣ невиданный. На предлинныхъ дрогахъ укрѣпилъ онъ небольшой верхъ по самой срединѣ. Эта крышка могла по произволу поворачиваться во всѣ стороны, когда путешественникъ пожелаетъ укрыться отъ вѣтра, солнца или дождя. Все это походило на монашескій клобукъ на двухъ палкахъ. Дядя былъ

имъ очень доволенъ, сдѣлавъ въ немъ благополучно около тысячи верстъ на одной лошади. Степныхъ жителей очень занимало искать грибовъ въ нашемъ заказномъ лѣсу, гдѣ ихъ бывало несмѣтное количество. Съ ранняго утра отправлялись въ походъ, а по возвращеніи принимались сортировать, отдѣляя годные грибы отъ негодныхъ; потому что гости наши не знали въ нихъ толку и набирали всѣ, какіе попадались: въ степныхъ губерніяхъ грибы рѣдкость. У насъ все лѣто жизнь кипѣла ключемъ: съѣзжались сосѣди, устраивались пикники и разныя увеселенія.

Какъ сестра Елена, такъ и я, продолжали брать уроки музыки у Финогена, двороваго человѣка сосѣда нашего Хлюстина, купившаго большое имѣніе Шепелева и страстно любившаго музыку. Онъ нанялъ Итальянца Тоди для преподаванія и сформировалъ порядочный хоръ пѣвчихъ и квартетъ скрипокъ; братъ же его, жившій верстахъ въ 70, завелъ духовую музыку въ 20 человѣкъ. Финогенъ пріѣзжалъ къ намъ по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ, занимался съ каждой по два часа и получалъ по два рубля за каждый пріѣздъ. Ко всякому празднику, въ семействѣ нашемъ или Хлюстина, мы выучивали по сонатѣ или другой большой пьесѣ Моцарта или другаго извѣстнаго композитора, и ѣздили съигрываться съ акомпанементомъ оркестра; иногда Хлюстинъ привозилъ къ намъ свою музыку и, какъ любитель и знатокъ, руководилъ нами, такъ, что могу сказать, я бо́льшую часть своего времени проводила за роялью, замѣнившею прежніе клавикорды. Все мое время было посвящено музыкѣ кромѣ уроковъ Французскаго языка и по другимъ предметамъ у сестры Надежды, занимавшейся мною съ 7 часовъ утра до 12 и отъ трехъ до шести послѣ обѣда, такъ что для прогулокъ или какой либо ручной работы почти не оставалось времени. Такъ продолжалось до 19-лѣтняго моего возраста.

Сестра Елена, кромѣ музыки, занималась и пѣніемъ. Итальянецъ Тоди, вѣроятно изъ своихъ выгодъ, увѣрилъ родителей нашихъ, что у ней хорошія способности. Она пѣла при Ѳедорѣ Яковлевичѣ Бунаковѣ, разсыпавшемся въ комплиментахъ по этому поводу. Чрезъ нѣкоторое время пріѣхали сестры Бунаковы и, говоря, что слышали отъ брата похвалы пѣнію Елены Сергѣевны, просили ее пѣть и когда сестра, ничего не подозрѣвая, запѣла, онѣ расхохотались ей въ лицо и, бросившись ее обнимать, будто по дружбѣ сообщили, что братъ нашелъ ея пѣніе не лучше писка кошки, которой наступили на хвостъ. Послѣ этого открытія всякое поползновеніе упражняться въ пѣніи кончилось.

Что̀ касается Финогена, то это былъ ученикъ Штейбельта, потомъ Фильда, которые оба его очень любили и развили въ немъ не только страсть къ музыкѣ, но и къ серьезному чтенію. Онъ хорошо говорилъ по-итальянски, по-французски и по-нѣмецки и прекрасно игралъ. Тушѐ у него было какъ бы бархатное. Занимался онъ мною очень добросовѣстно и никогда не выходилъ изъ терпѣнія, хотя я часто лѣнилась, и только повторялъ: «еще, еще, еще», пока я не съиграю какъ слѣдуетъ. Участь его была жалкая. Сынъ повара и самъ крѣпостной человѣкъ, отъ природы неглупый и съ дарованіями, онъ очень тяготился своимъ положеніемъ межеумка. Не принятый въ общество людей болѣе развитыхъ, которые по понятіямъ того времени чуждались плебеевъ, и уйдя далеко впередъ своихъ собратьевъ дворовыхъ, онъ жилъ въ одиночествѣ, удаляясь въ свою комнату, при первой возможности. Дворовыя дѣвушки, зная, что у него порядочные заработки, имѣли каждая на него виды и осаждали его. Любитель чтенія, онъ принужденъ былъ каждый разъ просить у своей барыни, Натальи Васильевны Хлюстиной, ключъ отъ библіотеки, что̀ его стѣсняло, и онъ сталъ таскать ключъ потихоньку, послѣ чего книгъ ему не стали давать. Между тѣмъ Хлюстинъ рѣшилъ дать ему вольную; но, написавъ бумагу, отдалъ ее на храненіе своему домашнему врачу Фриденталю, жившему у Хлюстина болѣе 20 лѣтъ; тотъ, изъ угожденія г-жѣ Хлюстиной отказывалъ Финогену, когда тотъ приходилъ за полученіемъ документа, выдать его. Финогенъ рѣшился вольную украсть и, выждавъ время, въ отсутствіи хозяевъ, подобралъ ключъ, но его поймали. Начались допросы и судъ, и онъ долженъ былъ внести за себя выкупъ, на что̀ ушли всѣ его заработки (5000 ассигнаціями). Но, считая себя обезчещеннымъ, онъ сталъ пить и умеръ въ Москвѣ почти нищимъ. Живо помню мое участіе въ концертахъ, которыми Финогенъ дирижировалъ очень хорошо, играя самъ на разныхъ инструментахъ. Случалось мнѣ не разъ играть съ двумя оркестрами и хоромъ пѣвчихъ. Эти стоя́тъ ближе къ роялю, инструментальный оркестръ въ смежной комнатѣ, а духовой за окномъ въ саду. Такъ играла я «Сотвореніе Міра» Гайдна, Моцарта, Генделя и другихъ. Кто не испробовалъ самъ, не можетъ понять, какое высокое удовольствіе доставляетъ подобная музыка. Играть съ оркестромъ даже легче, чѣмъ одной; лишь бы не терять такта. Пока пьесу заучиваешь, она можетъ и прискучить; сядешь участвовать въ концертѣ совсѣмъ не въ духѣ, вяло, неохотно, и вдругъ, о сюрпризъ! При первомъ ударѣ уже чувствуется совсѣмъ другое: сердце встрепенется, руки сами собой бѣгаютъ по клавишамъ чудно, весело, всѣ труды забыты. Сестра Елена, старѣе меня нѣсколькими годами, еще долѣе меня занималась музыкой; но она любила

больше dolce и andante, разныя нѣжности, я же, напротивъ, фугу. Тогда подобная игра больше требовалась, и я навсегда осталась съ сильнымъ туше́. Случалось мнѣ играть въ четыре руки съ сестрою, и она выводила меня изъ терпѣнія своими dolando, а я ее своимъ смѣхомъ. Разъ играли мы съ ней, при большомъ обществѣ, пьесу Гуммеля. Вдругъ она теряется, конфузится; я ей шепнула: «Prenez courage; mieux que toutes les autres!» Она разсмѣялась, и все сошло благополучно. На это навело меня воспоминаніе объ одномъ случаѣ съ нашими знакомыми княжнами Соколинскими. Бабушка ихъ, Каховская, нарядила ихъ на балъ, покрывъ большими пестрыми букетами крупныхъ цвѣтовъ въ такомъ количествѣ, что онѣ казались ходячими комнатами цвѣтовъ. Онѣ сконфуженно сидятъ и боятся танцовать. Бабушка подходитъ и громко говоритъ: «Qu'avez vous, princesses? Croyez-moi, vous êtes mieux que toutes les autres».

У матушки была крестница, дочь священника, вышедшая за чиновника Лызлова въ городъ Духовщину. Мужъ умеръ, оставя ее въ бѣдности съ пятью дѣтьми. Пріѣхала она къ намъ за помощью. Матушка замѣтила ей, что она однако въ бархатномъ платьѣ. «Помилуйте», отвѣчаетъ, «это не болѣе какъ старая ряса моего отца, гнилая до такой степени, что никто за нее ничего не даетъ; свои же платья, даже ситцевыя, я продала». Матушка обратилась къ бездѣтнымъ сосѣдямъ Хлюстинымъ, которые и взяли троихъ дѣтей, воспитали ихъ и дали порядочное образованіе. Они также учились музыкѣ и языкамъ. Младшая дѣвочка Лызловой была взята въ домъ другой нашей сосѣдки, генеральши Голубцовой, такъ что при матери остался только старшій сынъ 18 лѣтъ, записанный на службу писцомъ.

Война 1812-го года мелкопомѣстныхъ дворянъ въ конецъ разорила. Нѣкоторые изъ нихъ, поддерживавшіе до того времени знакомство съ нами, совсѣмъ отъ насъ отстали. Наша земля прилегала частью къ землѣ удѣльной, частью къ такимъ большимъ имѣніямъ какъ Барышникова и Хлюстина, а потому наше знакомство разбросалось въ даль. Такъ, бывали мы нерѣдко за 40 верстъ у Марьи Ивановны Пассекъ. Старшая дочь ея, Елисавета Ѳеодоровна Энгельгартъ, рано овдовѣла и жила въ 10 верстахъ отъ матери съ тремя дѣтьми; четвертаго же ребенка, Елисавету Григорьевну, взяла къ себѣ Марья Ивановна на воспитаніе; для компаніи ей имѣлась дѣвица Надежда Алексѣевна Верховская и была также гувернантка. Елисавета Ѳеодоровна почти все свое время проводила у матери, взбалмашной, избалованной общимъ поклоненіемъ старухи, которая часто мучила ее. Если та дѣлаетъ что либо не по ней, мать поставитъ ее на колѣни, читаетъ ей наставленія цѣлый часъ, потомъ отойдетъ въ другой конецъ комнаты, и Ели-

савета Ѳеодоровна, сама давно вдова и мать, не смѣя встать, ползаетъ на колѣняхъ, прося прощенья. Эта старуха-самодуръ позволяла себѣ многое, что̀ другимъ бы не прошло даромъ; но у нея было при хорошемъ состояніи громадное родство, смотрѣвшее на нее какъ на главу и корень. Чуть ли не половина губерніи приходилась ей родней, и у нея собиралось большое общество. Замѣтивъ, что которая нибудь изъ дѣвицъ, внучка, племянница или крестница, неохотно прикладывалась къ ея рукѣ, она громко требуетъ виновную: «Эй ты, поди сюда; нѣтъ не ты, а вотъ ты, вотъ та, что̀ сидитъ въ углу, какъ бишь ее, забыла имя», и когда та подойдетъ, Марья Ивановна подтянетъ ее поближе, лизнетъ языкомъ по щекѣ и дастъ щелчокъ въ лобъ. «Вотъ тебѣ за гордость. Тоже барышня! Не хочетъ у старухи руку поцѣловать», и такъ пристыдитъ, что каждый и каждая спѣшатъ скорѣй чмокнуть ей руку. Болѣе другихъ она уважала нашу семью. Сестра Екатерина Сергѣевна была крестницей ея мужа, но Марья Ивановна присвоила ее себѣ и требовала отъ нея особаго вниманія, меня же звала внучкой, кормила пряничными пѣтушками и, въ знакъ особаго отличія, брала себѣ въ проводники по комнатамъ, допуская въ спальню и кабинетъ, куда никто не смѣлъ войти. Разсердясь на горничныхъ своихъ и фаворитокъ, она привязывала ихъ къ стулу тонкой ниткой; такъ онѣ сидѣли часами, не смѣя шевельнуться, чтобы не оборвать нитки. Когда же хотѣла она оказать свое благоволеніе, то во время обѣда накладетъ на глубокую тарелку всевозможныхъ кушаньевъ, перемѣшаетъ ихъ пальцами, перепробуетъ и пошлетъ съ лакеемъ: «вотъ той подай» (указавъ пальцемъ), и когда избранная отыскана, то слѣдитъ, чтобы счастливица все съѣла и пришла ее благодарить: иначе бѣда! Случилось въ день ея имянинъ, въ Январѣ, мнѣ недостало мѣста за столомъ; она отодвинула свое кресло и посадила рядомъ съ собою и племянникомъ своимъ генераломъ Пассекомъ. Тогда было обыкновеніе обществу раздѣляться на дамъ, садившихся въ рядъ, по старшинству или почету, по лѣвую сторону хозяйки, и мущинъ, въ такомъ же порядкѣ, по правую сторону. Подали соусъ, въ которомъ приготовлено коровье вымя. Я отказалась. «Отчего не ѣшь?» говоритъ старуха; у тебя этого еще нѣтъ, такъ возьми хоть чужое». Я бы не поняла ничего, если бы кругомъ всѣ не вспыхнули, а генералъ не отвернулся въ сторону. Я догадалась, что сказано что-то неприличное. Не смотря на подобныя вольности, она пользовалась большимъ почетомъ и вліяніемъ и умѣла всѣхъ держать въ дисциплинѣ.

Вторая дочь ея, Надежда Ѳеодоровна, была за генераломъ Дмитріемъ Яковлевичемъ Гедеоновымъ, очень недалекаго ума и притомъ чрезвычайно некрасивымъ; не смотря на свою тупость, онъ былъ назначенъ губер-

наторомъ въ Астрахань. За нею, повѣнчанной 15-ти лѣтъ, стали ухаживать и добиваться благосклонности многіе и многіе и совсѣмъ вскружили ей голову... Надежда Ѳеодоровна имѣла нѣсколько сыновей и одну горбатую дочь. Впослѣдствіи она постоянно жила въ Петербургѣ; у нея же въ имѣніи же ея, Беззаботахъ, жилъ сынъ ея Николай Дмитріевичъ, веселый и красивый. Разъ пріѣхавъ въ сосѣдство къ бабкѣ своей Марьѣ Ивановнѣ на имянины, при большомъ обществѣ, нарядился онъ кучеромъ и пустился плясать Русскую съ кузиной своей Марьей Григорьевной Энгельгартъ, одѣтой въ сарафанъ и кокошникъ. Они оба плясали очень хорошо; когда же она, будто убѣгая отъ преслѣдующаго ее молодца, вскочила на небольшую колонну, грозя ему пальцемъ, это было такъ живописно - мило, что сама суровая бабка вскочила съ кресла и стала на одномъ мѣстѣ поводить плечами, притопывать и дѣлать жесты, затѣмъ упала снова въ кресло и заплакала. Всѣ ея внуки и дѣти бросились къ ней, окружили, стали цѣловать руки. Надежда Ѳедоровна многимъ помогала и вывела въ люди, живя въ столицѣ; она говорила: «моя грязь къ вамъ не пристанетъ», намекая на свое двусмысленное поведеніе.

Племянникъ Марьи Ивановны, генералъ Петръ Петровичъ Пассекъ, былъ съ нами коротко знакомъ, также какъ и жена его Наталья Ивановна. Часто они проводили у насъ по нѣскольку сутокъ со всѣмъ своимъ штатомъ, который составляли двое Англичанъ; одинъ изъ нихъ Макгрегоръ—воспитатель Петра Петровича, поселившійся у своего ученика на всю жизнь, и другой Джекъ, почти слѣпой. Пассекъ на свой счетъ лѣчилъ его у лучшихъ окулистовъ въ Москвѣ, поддержавшихъ его зрѣніе. Тутъ же побочная сестра бездѣтнаго Петра Петровича Екатерина Петровна, получившая въ его домѣ порядочное образованіе. У Пассека въ селѣ Крашневѣ былъ большой садъ съ бесѣдками, кіосками, мостиками, множествомъ цвѣтовъ и теплицей, а въ другомъ селѣ, Яковлевомъ, гдѣ Пассекъ проводилъ зиму, была довольно большая библіотека и Ланкастерская школа для крестьянскихъ мальчиковъ на 30-ть человѣкъ.

У сестры моей Надежды Сергѣевны былъ крестникъ изъ дворовыхъ Митя, отданный въ эту школу. По окончаніи трехлѣтняго курса, сестра подарила ему Священную Исторію, которую онъ ей и читалъ, но потомъ преравнодушно возвратилъ обратно, говоря: «Не хочу учиться и читать больше не стану», и вернулся къ своему отцу во дворъ. Будучи въ нашемъ домѣ, подслушалъ онъ разъ разговоръ сестеръ моихъ объ одной знакомой, Кардосысоевой, скупой старухѣ, которая, будучи вынуждена угостить кого-либо кофеемъ, звала свою ключницу и, сказавъ: «подай кофею», протягивала руку, при чемъ ключница наблюдала, если

рука была сжата въ кулакъ, кофе должно подать плохой, жидкій, если же ладонь была раскрыта, кофе надо было варить какъ слѣдуетъ. Митя, услышавъ разсказъ, затвердилъ: «Анна, подай кофею». Сестры, боясь какъ бы онъ не проговорился при ней и не зная какъ лучше уговорить Митю молчать, сказали ему, что это твердить стыдно. Онъ замолчалъ, но не забылъ. Случилось, что въ отсутствіе нашей семьи пріѣхалъ сосѣдъ Богданъ Николаевичъ Воронецъ и, соскучившись ждать возвращенія хозяевъ, сталъ разспрашивать Митю, что̀ дѣлаютъ обыкновенно барышни, о чемъ разговариваютъ? Митя отвѣчаетъ: «Барышни такое стыдное говорятъ!»—«Что же такое?» Долго Митя отказывался сказать, что̀ именно, наконецъ шепнулъ: «Анна, подай кофею».— «Что-же тутъ стыднаго?» спрашиваетъ Воронецъ, «что-же дальше?»— «Да только: подай кофею». Когда всѣ вернулись, недоумѣніе было объяснено, и много смѣялись.

Отецъ мой, въ то время совсѣмъ слѣпой, могъ ходить одинъ, когда мебель стояла на мѣстѣ и всё было въ порядкѣ. Но если были гости и суета, мебель стояла какъ попало и двери пріотворены, онъ не могъ обходиться безъ чужой помощи, иначе разбивалъ себѣ лобъ. Поводырькомъ былъ Митя. Однажды Пассекъ разсказывалъ, какъ въ дѣтствѣ ходилъ онъ съ гувернеромъ Макгрегоромъ по стѣнѣ въ Смоленскѣ (тогда еще цѣлой). Я заслушалась и не шла звать Митю, который былъ надобенъ моему отцу. Пассекъ, пристально глядя на меня, говоритъ: «Жаль, что я не знаю, гдѣ Митя; позвалъ бы его». Я догадалась и краснѣя побѣжала звать. Я любила и уважала Петра Петровича. Зная, что онъ любитъ хорошую обувь, такъ бывало натяну чулокъ и крѣпко подвяжу, что трудно ходить, но терплю, лишь бы заслужить его одобреніе. Онъ ѣздилъ съ женой за границу, что̀ тогда не было такъ обыкновенно какъ теперь, и привезъ намъ всѣмъ разныя бездѣлушки, между прочимъ новую тогда игру, лото. Составили партію, человѣкъ 15-ть; позволили и мнѣ участвовать. Тутъ я, выигравъ, въ первый разъ сдѣлалась обладательницей цѣлаго рубля, что̀ привело меня въ восторгъ. Я тотчасъ сшила приходо-расходную тетрадь и записала на приходъ мой первый рубль. Намъ никогда не давали денегъ въ руки: родители распоряжались нашими нуждами по своему усмотрѣнію. Такъ какъ насъ было шесть сестеръ, то обыкновено покупали для двухъ старшихъ дочерей одну матерію, для двухъ среднихъ другую и для меньшихъ третью. Когда же мы сносимъ, то перешиваютъ съ большихъ на маленькихъ или изъ двухъ сдѣлаютъ одно платье: экономія необходимая при большой семьѣ. Не смотря на это, мы считались даже франтихами, потому что платья были сшиты со вкусомъ, не пестро, безъ большаго количества оборокъ и бантовъ, и сидѣли на насъ ловко.

Кромѣ сосѣда Хлюстина, съ которымъ мы были коротко знакомы по поводу музыки, мы бывали также часто у Римскихъ-Корсаковыхъ, верстахъ 8—10 отъ Покровскаго. Екатерина Семеновна была племянницей Сергѣя Ивановича Лесли, бывшаго губернскимъ предводителемъ дворянства вскорѣ послѣ 1812 года. Это былъ предводитель образцовый, лично извѣстный Государю, много сдѣлавшій для поднятія своего, тогда разореннаго, сословія. Его хотѣли перевести въ Петербургъ; но онъ, желая быть полезнымъ своей родной Смоленской губерніи, просилъ оставить его на прежней должности. Лесли былъ очень похожъ на Суворова, не только лицомъ, но и манерами и странностями. Такъ, хотя по кончинѣ государя Павла Петровича всѣ уже перестали носить косы, онъ до могилы ходилъ съ косичкой, украшенной бантомъ, который прыгалъ по его свѣтло-зеленому мундиру съ высокимъ краснымъ воротникомъ. Треугольная шляпа подъ лѣвымъ плечомъ, чулки и башмаки съ огромными серебряными пряжками, такія же пряжки на большихъ черныхъ бантахъ подъ колѣнами, дополняли костюмъ. Только Лесли да старика Калечитскаго пришлось мнѣ видѣть въ подобномъ старинномъ костюмѣ, уже вышедшемъ изъ употребленія въ мое время. Калечитскій, какъ не служащій, носилъ широкій шелковый кафтанъ, окаймленный шитьемъ и длиннѣйшій бѣлый жилетъ, тоже весь вышитый. У обоихъ прическу составляли, кромѣ косы сзади, еще букли спереди. По окончаніи отечественной войны мущины больше подражали Англичанамъ: черное сукно на фракъ или сюртукъ, бѣлый жилетъ и высокіе ботфорты, были во всеобщемъ употребленіи. Женщины носили болѣе закрытые лифы, немного излишне-приподнятые, короткія букли и высоко заложенную косу, приколотую высокой черепаховой гребенкой.

Петръ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, весьма недальняго ума, жилъ въ своемъ селѣ Ушаковѣ съ женой Екатериной Семеновной, умной и энергичной особой, которая, не получивъ сама достаточнаго образованія, старалась всѣми силами дать его своимъ тремъ сыновьямъ и тремъ дочерямъ. Старшіе, Николай и Сергѣй, однихъ лѣтъ со мною, часто бывали у насъ и обижали моихъ куколъ, до которыхъ я была большая охотница. Не имѣя большихъ средствъ, но понатершись въ обществѣ своихъ родныхъ, Корсаковы старались подражать всѣмъ обычаямъ, манерамъ, вещамъ, принятымъ въ обществѣ; а такъ какъ мы были одними изъ ближайшихъ сосѣдей и подходили къ этому кругу, то большею частію, если замѣтятъ они что либо новое у насъ (мебель, работу дамскую или нарядъ), тотчасъ сдѣлаютъ себѣ тоже, хотя часто неудачно, какъ подражаніе. Ничего не понимая въ музыкѣ, отдали они своего двороваго человѣка, довольно бездарнаго, учиться играть.

Впослѣдствіи онъ и училъ дочерей своего барина бренчать на фортепьяно. Петръ Николаевичъ очень оставался доволенъ, если его музыкантъ, по его приказанію: «сыграй другое», повторитъ тотъ же мотивъ на басовыхъ или дискантовыхъ клавишахъ; баринъ считалъ это перемѣной музыки. Жена его знала крайнюю ограниченность его ума; собираясь въ общество или принимая его, она настроитъ мужа, что̀ слѣдуетъ говорить и дѣлать, и онъ съ плеча дуетъ кстати или нѣтъ. «Моя Екатерина Семеновна такъ мнѣ сказала», объясняетъ онъ, бывало. Много ходило про него анекдотовъ. Жила у нихъ постоянно нѣкто Духонина, бывшая въ домѣ всѣмъ: помогала въ хозяйствѣ, смотрѣла за дѣтьми, шила платья всей семьѣ и успѣвала сама всему учиться, даже музыкѣ; а такъ какъ хозяева сами были мало образованные люди, то она же наблюдала и за учителями, прежде семинаристами, а потомъ гувернанткой, такъ что заправляла всѣмъ домомъ и была чуть ли не болѣе госпожа, чѣмъ сами хозяева. Римскіе-Корсаковы платили хорошо гувернанткѣ Филипьевой, кончившей курсъ въ институтѣ, а именно 400 рублей. Филипьева напишетъ, бывало, каталогъ будто бы нужныхъ руководствъ по языкамъ, а когда книги выпишутъ, они окажутся романами, которые гувернантка и читаетъ, а дѣти должны довольствоваться изобрѣтательностью ея ума. Она вздумала учить ихъ танцовать кадриль-грасьёзъ, своего сочиненія, вмѣсто Французской кадрили, которая только что вошла въ моду и которой она еще не видала, но не хотѣла въ томъ признаться. Меня хотѣли было отдать къ ней учиться танцамъ; но я, зная, что она учитъ нелѣпымъ фигурамъ, которыхъ я нигдѣ не видала, объяснила это матушкѣ, и мои поѣздки въ Ушаково скоро прекратились; а Филипьева получила лишь бронзовую чернильницу въ подарокъ и разсердилась на меня за сдѣланное открытіе. Въ Ушаковѣ на дѣтской половинѣ, гдѣ жила и гувернантка, придѣлана была подъ окномъ втораго этажа полочка съ наружной стороны для корма голубей. Гувернантка въ день своихъ имянинъ назначила дѣтямъ привѣтствіе въ честь собственной особы. Они должны были, ставъ на колѣни на полку, въ ту минуту, какъ она проснется, говорить ей поздравительные стихи, осыпая ее букетами, навязанными въ тотъ же день съ зарею, и оплести ея постель гирляндами. Удивительно еще, какъ уцѣлѣли дѣти, стоя на воздушной полочкѣ. Кончилось все какимъ-то скандаломъ, послѣ котораго Филипьева уѣхала, а дѣвицы, отъ природы неглупыя, сами докончили свое образованіе, много читая. Двѣ старшія учили меньшую Машу и меньшаго брата Ивана, котораго и мнѣ случалось учить ариѳметикѣ, бывая у нихъ въ домѣ дня по три сряду. Онъ потомъ

служилъ въ Петербургѣ подъ покровительствомъ Гедеоновой, о которой я упоминала. Старшіе сыновья учились въ корпусѣ.

Мнѣ снова приходится вернуться къ пятнадцатилѣтнему моему возрасту. Меня и Лизу Эйсмондъ продолжала учить старшая моя сестра, очень серьезно смотрѣвшая на принятую ею на себя обязанность. Мы не знали отдыха, на Святой, на Святкахъ или Масляницѣ. Самый большой срокъ нашей свободѣ были первые три дня Пасхи и Рождества Христова; на четвертый мы уже съ утра сидѣли въ классѣ. Не смотря на пріѣздъ гостей или родныхъ, должны мы были часовъ въ шесть утра садиться за уроки и до 12 заниматься географіей, исторіей всеобщей и Русской, грамматикой, ариѳметикой, языками и прочими заданными съ вечера уроками. Однажды на Святкахъ лѣнь напала на меня; я не выучила ничего, за что̀ получила такой строгій выговоръ, съ угрозой наказанія, что разрыдалась. Глаза мои раскраснѣлись и опухли, а къ обѣду пріѣхало много гостей. Сестра нашла, что въ такомъ видѣ мнѣ нельзя выдти къ обществу и велѣла умывшись пойти прогуляться, пока слѣды слезъ не будутъ замѣтны. Я въ точности исполнила сказанное и гуляла довольно долго въ морозный, ясный день. Къ новому году мать моя и четыре сестры отправились въ Ивонино къ Елисаветѣ Ѳедоровнѣ Энгельгартъ, получившей его въ наслѣдство по смерти матери своей Марьи Ивановны Пассекъ. Я же съ батюшкой и сестрой Татьяной осталась дома. Въ день новаго года моя горничная вошла ко мнѣ утромъ, говоря, что уже поздно, батюшка чай кушаетъ, и мнѣ пора вставать. Я не вѣрю; говорю, что еще совсѣмъ темно и даже ее, служанку, я не вижу; она отвѣчаетъ, что я вѣрно шучу или говорю это нарочно, потому что уже давно день и солнце свѣтитъ. «Не вижу ничего» Позвали сестру, и она убѣдилась, что я дѣйствительно ослѣпла. Съ ужасомъ пошли сказать это слѣпому же старику-отцу и тотчасъ послали за годовымъ нашимъ докторомъ Пронскимъ въ уѣздный нашъ городъ. Его не оказалось дома; тогда обратились къ только что выпущенному изъ университета военному доктору Шафикову. Онъ нашелъ, что слѣпота моя есть слѣдствіе простуды воспаленныхъ слезами глазъ, когда я гуляла тотчасъ послѣ моихъ горькихъ рыданій, и сталъ лѣчить меня со всевозможнымъ стараніемъ. Узнавъ, что въ домѣ Пассека живетъ больной глазами Джекъ, пользовавшійся совѣтами извѣстнаго врача Делонэ, Шафиковъ поѣхалъ къ Пассеку, чтобы распросить подробности и найдя, что ходъ его болѣзни схожъ съ моимъ, а также и причины, сталъ примѣнять средства подходящія тѣмъ, которыя прописалъ Делонэ. Всякій день, въ тотъ часъ, когда я гуляла, начиналась страшная у меня боль въ глазахъ, такъ что я ложилась лицомъ въ подушку и лежала такъ часа по два,

пока стихнетъ. Какъ ни старались сдѣлать мою комнату темной, мнѣ все казалось свѣтло; ширмы, ставни, гардины, меня не удовлетворяли. Меня облѣпили мушками, фонтанелями и посадили на діэту. И такъ было въ продолженіи почти цѣлаго года! Не смотря на то, при первой возможности занятія научныя поддерживались. Подруга моя Лиза, сидя въ моей комнатѣ, твердила заданные уроки, а я, вертя въ рукахъ вязанье снурка, бывшее тогда въ употребленіи, на особаго фасона рогулькѣ, слушала и, не будучи ничѣмъ развлекаема, легко запоминала и лучше прежняго знала уроки. Въ комнату поставили небольшой инструментъ; я по слуху находила нужные клавиши и такимъ образомъ твердила экзерсисы Крамера и цѣлый концертъ Дюссека. Ровно чрезъ годъ, въ тотъ самый день какъ я ослѣпла, въ первый разъ увидѣла я красный кругъ на коврѣ передъ кроватью. Радость всей семьи несказанная! Всѣ меня обнимали, поздравляли. Особенно тронулись всѣ, глядя на слѣпого отца, когда онъ ощупью протягивалъ руки, чтобы обнять прозрѣвшую дочь, почти еще ребенка. Добросовѣстному отношенію къ дѣлу Шафикова обязана я своимъ излѣченіемъ. Къ сожалѣнію, этого хорошаго человѣка убили во время войны, на перевязочномъ пунктѣ.

На слѣдующее лѣто мать повезла меня въ Москву для совѣщанія съ докторами Делонэ и Гаазомъ, которые нашли, что мое лѣченіе было ведено на столько правильно, что болѣе ничего не надо. Мы наняли довольно большой домъ генерала Циммермана въ Хлѣбномъ переулкѣ, гдѣ и прожили все лѣто. Сестра Татьяна, тоже больная, пользовалась у Гааза, а я съ Надеждой Сергѣевной ѣздила осматривать всѣ достопримѣчательности. Чичероне нашимъ былъ родственникъ нашъ князь Щербатовъ, женатый на Прасковьѣ Сергѣевнѣ Толстой и завѣдывавшій дворцовыми и другими казенными зданіями. У Щербатовыхъ было четыре дочери и два сына. Княгиня добрая, радушная Москвичка. Семья эта жила въ своемъ большомъ двухэтажномъ домѣ съ садомъ и оранжереей. Года за три до того, старшая дочь Елисавета Александровна бѣжала изъ родительскаго дома съ нѣкимъ Савичемъ, увезшимъ ее съ бала, при содѣйствіи товарищей, и женившимся на ней. Во время нашего пребыванія въ Москвѣ послѣдовало примиреніе между родителями и молодыми Савичъ, уже имѣвшими двухъ дѣтей. Княгиня привозила ихъ къ намъ знакомиться, затѣмъ они уѣхали въ свою Малороссійскую усадьбу, гдѣ и жили постоянно. Вторая княжна Наталья Александровна не была красива; она потомъ вышла за барона Розена. Третья Прасковья и четвертая Анна, моихъ лѣтъ, еще не выѣзжали. Мы часто видѣлись, вмѣстѣ гуляли на Прѣсненскихъ прудахъ и бѣгали въ саду Щербатовыхъ. По времени княжна Прас-

ковья вышла за своего родственника, тоже князя Щербатова. Всѣ три были назначены фрейлинами, но жили въ Москвѣ и являлись ко двору лишь во время пріѣзда царской фамиліи. Княжна Анна выдѣлялась своей красотой и, когда войдя въ совершенные года, она представилась Государынѣ, то Александра Ѳеодоровна, любившая окружать себя всѣмъ красивымъ и изящнымъ, пожелала ее имѣть всегда при себѣ. Хотя Щербатовы имѣли 2000 душъ въ Харьковской губерніи, но при большой семьѣ трудно имъ было содержать трехъ дочерей при дворѣ, гдѣ любили пышность, и Государыня всегда замѣчала, если фрейлина являлась два - три раза на балъ въ одномъ и томъ же платьѣ. Поэтому Щербатовы всячески старались оставить дочерей въ Москвѣ, въ чемъ и успѣли для двухъ, Анну же нельзя было удержать. Она однако была во фрейлинахъ недолго. Императрица нашла ей партію въ лицѣ флигель-адъютанта Александрова. Императрица сама заботилась о приданомъ княжны, была у нея посаженой матерью, нарядила въ собственные бриллiанты и позволила пригласить не только родныхъ, но и кого пожелаетъ. Вѣнчаніе происходило въ церкви Зимняго дворца. Къ этому дню пріѣхали Савичъ и родственникъ князь Одоевскій («Дѣдушка Ириней») о которомъ я уже говорила. Со всѣмъ нашимъ многочисленнымъ Московскимъ родствомъ мы видались часто лишь до 1812 года, потомъ мало по малу, рѣже и рѣже, пока совсѣмъ не отдалились отъ него. Причина крылась въ разстройствѣ нашего состоянія при нароставшихъ нуждахъ семьи и слѣпотѣ главы ея. Встрѣтивъ меня въ этотъ нашъ пріѣздъ въ Москву у Щербатовыхъ, князь Одоевскій, любитель музыки и отчасти композиторъ, узналъ, что я играю и во время годичной слѣпоты моей не бросала заниматься. Онъ мной заинтересовался и просилъ съиграть. Это польстило моему самолюбію подростка, и я пустилась играть большой концертъ Дюссека, который знала весь отъ доски до доски, не давая спуску на tutte; съиграла я безъ ошибки, но весело ли было слушать, это другой вопросъ. Послѣ обѣда всѣ поѣхали гулять въ очень посѣщаемый тогда Кремлевскій садъ. Князь Одоевскій, предложивъ мнѣ взять его подъ руку, пошелъ впередъ; это меня такъ сконфузило, что я на всѣ рѣчи его упорно молчала, и онъ конечно счелъ меня за совершенную дуру; а причина была та, что мать и старшія сестры слѣдовали за нами, а я воспитана была въ такомъ почтеніи къ нимъ, что не могла примириться съ мыслію играть въ присутствіи ихъ выдающуюся роль, хотя бы на минуту.

Кромѣ родственныхъ намъ Паниныхъ и Грибоѣдовыхъ были еще намъ родня три старушки, сестры Николевы, Елисавета, Наталья и Елена Петровны, и племянникъ ихъ, сынъ ихъ брата Николая Петро-

вича, который дружилъ въ свое время съ писателемъ кн. Шаховскимъ и самъ былъ писатель. Оба они теперь уже давно сошли со сцены. Дѣвицы Николевы были оригинальны, жили въ своемъ каменномъ трехъэтажномъ домѣ, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщалось по одной изъ сестеръ съ цѣлымъ особымъ штатомъ прислуги, мосекъ, птицъ и проч., при чемъ старшая сестра занимала нижній этажъ, младшая же, слишкомъ пятидесяти лѣтъ, но все еще считавшаяся въ семьѣ своей совсѣмъ юной, для пущаго сохраненія своей дѣвственности, жила въ верхнемъ этажѣ, чтобы труднѣе было до нея добраться. Когда мы бывали у нихъ, то обыкновенно слѣдовало сдѣлать первый визитъ старшей, очень радушно насъ принимавшей и угощавшей; затѣмъ поднимались мы во второй этажъ, гдѣ угощеніе повторялось и, наконецъ добирались до верхняго, послѣ чего всѣ три сестры собирались на крыльцѣ провожать насъ. Младшая сестра, въ качествѣ молодой дѣвушки, одѣвалась сообразно съ этимъ, носила букли, открытый лифъ и короткіе рукава. Такъ были мы съ ними на гуляньи, гдѣ эта 50-лѣтняя барышня была одѣта въ легкомъ абрикосоваго цвѣта платьѣ съ открытой шеей, чуть прикрытой кружевной косынкой, едва доходившей до плечъ. Короткіе рукава оканчивались тонкимъ тюлемъ, имѣвшимъ видъ фонарей, въ которыхъ тощія красныя руки играли роль свѣчей. Всѣ пальцы поверхъ перчатки усыпаны кольцами съ бриллiантами, а на шеѣ поверхъ косыночки на толстой золотой цѣпи большой открытый медальонъ съ портретомъ племянника, весьма невзрачнаго, рябого, Николая Николаевича Николева, тоже порядочнаго оригинала, но хорошаго человѣка и храбраго полковника, оставшагося холостякомъ. Отецъ его былъ слѣпъ и потому имѣлъ секретаря, бѣднаго молодаго человѣка Лунина, женившагося противъ воли Николева на его дочери, которую тотъ увезъ и, лишившись должности, на долго пропалъ безъ вѣсти. По смерти Николева все его имущество перешло такимъ образомъ къ его единственному внуку, который, выйдя въ отставку, проводилъ свое время въ Московскихъ квасныхъ. Это былъ завсегдатай кваснаго ряда, нигдѣ не бывшій въ обществѣ, любитель и знатокъ разносортнаго кваса. Такъ онъ прожилъ до старости, а по смерти его Сенатъ, разыскивая наслѣдниковъ его, вызвалъ моего старшаго брата Сергѣя, который по пріѣздѣ въ Москву, еще не будучи введенъ во владѣніе, получилъ прекрасную лошадь полковника, оцѣненную въ 3000, для которой тотчасъ нанялъ помѣщеніе и прислугу. Но не прошло и недѣли, какъ явился настоящій наслѣдникъ, Лунинъ, жившій до того съ женой въ Архангельскѣ и прижившій большую семью. Тѣмъ наслѣдство брата и кончилось.

Во вкусѣ этого семейства были у насъ еще родные Голостѣновы, единственные со стороны матушки, за двоюроднымъ братомъ которой была Христина Михайловна Голостѣнова, рано овдовѣвшая и оставшаяся при небольшомъ имѣніи (въ Псковской губ. Торопецкаго уѣзда), съ тремя дочерьми и однимъ сыномъ Антономъ Ивановичемъ, служившимъ въ Москвѣ по комиссаріату. Онъ женился на Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ Пасынковой, получилъ за нею порядочное состояніе въ Костромской губ. и деревянный большой домъ въ Москвѣ по Садовой. Прасковья Ѳеодоровна имѣла двухъ сестеръ Марью и Настасью, которыя и жили съ ней, зятемъ Голостѣновымъ, его сыномъ и принятымъ ими на воспитаніе мальчикомъ, баловнемъ всей семьи. Подобно старушкамъ Николевымъ, сестры Голостѣновы, тоже уже не молодыя, жили каждая на своей половинѣ дома; но какъ домъ былъ въ два этажа, то нижній былъ отведенъ замужней сестрѣ съ ея семействомъ и штатомъ прислуги, а верхній раздѣленъ коридоромъ для двухъ другихъ сестеръ; у каждой свой штатъ прислуги и свои затѣи. У Марьи Ѳеодоровны, среди гостиной, стояла большая клѣтка съ сорокой, безпрестанно кричавшей: «Дура» и «Дай каши», что́ служило постоянной забавой хозяйкѣ. Младшая сестра Настасья, также какъ и младшая Николева, носила прическу буклями, бѣлое кисейное платье à l'enfant и не разставалась съ выхоленной болонкой, всегда расчесанной, съ косичкой на головѣ, въ которую вплетались ежедневно новыя атласныя ленты свѣтлыхъ, яркихъ цвѣтовъ. У замужней сестры была канарейка, помѣщавшаяся въ люстрѣ. Вечеромъ, когда люстру зажигали, канарейка принималась пѣть подъ серинетку, премило вытягивая тонкимъ голоскомъ пѣсню, которую ей наигрывали, потомъ принималась и за свою обычную пѣсню. Въ саду при ихъ домѣ было много цвѣтовъ. Особенно замѣчательно было довольно большое тюльпанное дерево, которое мы нашли все покрытое крупными красивыми цвѣтами разныхъ оттѣнковъ. Къ сыну Голостѣновыхъ, Егорушкѣ, ходило нѣсколько человѣкъ учителей по разнымъ предметамъ. Они давали уроки по билетамъ; но Егорушка, толстый мальчикъ 14—15 лѣтъ, былъ очень избалованъ, и часто случалось, что по билету получались деньги, тогда какъ урокъ былъ только фиктивный. На танцовальные вечера къ Голостѣновымъ собирался кружокъ знакомыхъ, между прочимъ князья Мещерскіе, усердно упражнявшіеся въ только что вошедшей въ моду Французской кадрили и мазуркѣ, которую тогда танцовали не такъ какъ теперь, просто бѣгая подъ музыку, а со всей ловкостью, требуемой Польскимъ танцемъ, со множествомъ граціозныхъ фигуръ, такъ что не всякій рѣшался и танцовать мазурку.

Двоюродный братъ мой, Иванъ Юрьевичъ Николевъ, впослѣдствіи генералъ, былъ тогда полковникомъ Софійскаго полка и помѣщался въ огромныхъ четырехъ комнатахъ въ Хамовническихъ казармахъ. Онъ былъ женатъ на Татьянѣ Алексѣевнѣ Юрьевой изъ очень богатаго, довольно извѣстнаго въ то время дома. Она была дочь одного изъ четырехъ братьевъ Юрьевыхъ; трое изъ нихъ не были женаты и, подобно сказаннымъ Николевымъ и Голостѣновымъ, жили каждый въ отдѣльномъ этажѣ общаго большаго дома. Татьяна Александровна получила на свою часть въ Ржевскомъ уѣздѣ имѣніе Щетинино, братъ же ея былъ единственнымъ наслѣдникомъ дядей. Въ этомъ семействѣ было принято въ случаѣ покупки однимъ изъ Юрьевыхъ какой-либо вещи тотчасъ покупать и остальнымъ одинаковыя. Въ день имянинъ котораго нибудь изъ нихъ Иванъ Юрьевичъ обязанъ былъ являться съ подаркомъ. Юрьевы сапогъ не носили, а при старинномъ Французскомъ кафтанѣ ходили въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Они были скупы: имъ казалось большимъ расходомъ платить за чулки 5 рублей, и они не могли понять, какъ Иванъ Юрьевичъ платилъ за свои 25 р., и требовали отъ него каждому изъ дядей подобныхъ же чулокъ, въ подарокъ на имянины. Дѣтямъ своей племянницы они дарили въ день ангела деньги, сообразно своему старшинству: каждый внукъ получалъ отъ младшаго дѣда пять коп. мѣдью, второй дѣдъ давалъ 10 коп., и такъ до старшаго дѣда. Братьямъ Юрьевымъ казалось, что они щедро одаривали внучатъ. Они оставили милліонное состояніе племяннику, страшному кутилѣ, который по уплатѣ долговъ остался ни при чемъ, а за остальные, неоплаченные долги посаженъ былъ въ яму и умеръ въ бѣдности. У Ивана Юрьевича бывали мы довольно часто и съ его семействомъ ѣздили къ его знакомымъ. Такъ попали мы къ одному фабриканту, по сосѣдству съ Хамовническими казармами, и заплутали у него въ саду, въ лабиринтѣ. Долго не могли мы изъ него выйти, пока хозяинъ не прислалъ намъ слугу, который провелъ насъ къ довольно глубокой ямѣ въ видѣ сухаго колодезя, выложеннаго камнемъ. Лѣстница ступеней въ 15 ввела насъ во мракъ колодезя, изъ котораго особый ходъ, какъ оказалось, оканчивался на Хамовническомъ полѣ, гдѣ стояли наши экипажи.

Въ числѣ старинныхъ знакомыхъ нашихъ, до конца жизни поддерживавшихъ съ нами дружбу, были Осиповы. Григорій Михайловичъ Осиповъ, сынъ священника села Гнѣздилова, Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, въ царствованіе Екатерины Великой поступилъ въ приказные. Людей смышленыхъ, мало мальски образованныхъ, тогда цѣнили. Семинаристъ Осиповъ, красивый, ловкій, неглупый, былъ отличенъ начальствомъ. Его, какъ знающаго дѣло чиновника, послали по

какому-то порученію въ Петербургъ, гдѣ онъ сталъ вхожъ во многіе знатные дома, влюбилъ въ себя дѣвицу изъ хорошаго дома, Марію Александровну Самойлову, женился на ней и такимъ образомъ пріобрѣлъ сильную протекцію ея родныхъ, при посредствѣ которыхъ поступилъ на службу въ Тобольскъ нѣсколько ранѣе пріѣзда туда моего отца. Въ Тобольскѣ же и началось знакомство между ними; но Осиповъ былъ старѣе отца моего и имѣлъ въ то время дѣтей, изъ которыхъ старшему было лѣтъ 10. Прослужа довольное время совѣтникомъ въ Тобольскѣ, онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, получалъ отличія, нажилъ средства, купилъ родное село Гнѣздилово и умеръ, оставивъ жену съ шестью дѣтьми и хорошимъ состояніемъ. Два сына и одна изъ дочерей умерли молодыми. Марья Александровна, имѣя кромѣ мужнина и свои собственныя имѣнія, при сильномъ родствѣ, каждую зиму проводила въ столицѣ для воспитанія дѣтей, а потомъ поселилась совсѣмъ въ Москвѣ. Когда родители мои помѣстили братьевъ моихъ въ корпусъ и пенсіонъ, Осипова брала ихъ къ себѣ на каникулы и по воскреснымъ днямъ. У нея въ живыхъ осталось три дочери, которыя хотя имѣли хорошее состояніе, но были не красивы собою, и при томъ кругѣ общества, въ которомъ онѣ вращались, не считались выгодными партіями, а потому вышли замужъ уже не въ первой молодости, послѣ смерти матери, послѣдніе годы жизни бывшей безъ ногъ и безъ рукъ (ее возили въ креслѣ, и голова у нея такъ низко опускалась на грудь, что надо было полуопрокидывать кресло, чтобы ее накормить). Дочь ея Екатерина Григорьевна, особа милая, образованная, постоянно занимавшаяся чтеніемъ, не покидала матери до конца ея дней. Въ такомъ жалкомъ состояніи переѣхала старуха Осипова изъ Москвы въ Гнѣздилово, бывала и у насъ по сосѣдству, и эти поѣздки совершались въ небольшой каретѣ по ночамъ, съ фонарями, чтобы не привлекать вниманія прохожихъ жалкой фигурой сидящей.

По кончинѣ императора Павла много было арестовъ. Въ число арестованныхъ попалъ и братъ тогдашняго министра Ѳедора Александровича Голубцова, Дмитрій Александровичъ Голубцовъ, намѣревавшійся жениться на старшей изъ трехъ сестеръ Осиповыхъ, Натальѣ Григорьевнѣ. Онъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости довольно долго, и, когда была наконецъ доказана его невинность, онъ былъ выпущенъ на свободу съ страшнымъ ревматизмомъ ногъ, которыя онъ волочилъ за собою, шаркая и не въ силахъ будучи ихъ поднять. Наталья Григорьевна осталась ему вѣрна, и свадьба ихъ совершилась въ Гнѣздиловѣ, гдѣ они и поселились. По смерти ихъ матери, Анна Григорьевна, очень цѣнившая деньги, рѣшилась принять предложеніе богатаго, но

съ очень некрасивой репутаціей, Николая Петровича Воейкова, притомъ же отталкивающей наружности. Владѣя большимъ имѣніемъ, онъ не иначе позволялъ жениться своимъ крестьянамъ какъ присвояя себѣ право первой ночи; онъ по жалобамъ крестьянъ много разъ былъ судимъ, но всякій разъ выпутывался, благодаря своимъ деньгамъ. Въ день свадьбы Анны Григорьевны, когда молодые остались одни въ своей комнатѣ, выходившей низкими окнами въ садъ, и когда огонь былъ погашенъ, Воейковъ почувствовалъ, что на него навалилось что-то тяжелое и душитъ его. Анна Григорьевна не потерялась и съ помощью прислуги задержала неизвѣстное лицо, которое оказалось матерью обезчещенной Воейковымъ наканунѣ свадьбы крестьянской дѣвушки. Вскорѣ Воейковы продали свое Ельнинское имѣніе и переѣхали въ Можайскій уѣздъ въ село Ильинское, но большую часть года жили въ Москвѣ, гдѣ этотъ завидный супругъ завелъ любовницъ и всѣ ночи проводилъ у Цыганъ. Имѣя пятерыхъ дочерей, жена его не могла найти порядочной гувернантки, благодаря невозможному поведенію мужа. Когда мы были у нихъ въ Москвѣ, въ ихъ роскошно обставленномъ домѣ, съ громадными трюмо и роскошной мебелью, то примѣтили тутъ же прибитаго пулей къ стѣнѣ таракана. Деспотъ-хозяинъ показывалъ на немъ свое искусство въ стрѣльбѣ и, въ присутствіи его, никто не смѣлъ прибрать эти слѣды его упражненій. Одна изъ дѣвочекъ, болѣзненный ребенокъ лѣтъ 5, часто плакала и если это случится въ присутствіи отца, то, чтобы заставить ее молчать, онъ выльетъ, бывало, ей на голову ведро холодной воды. Дѣти боялись его страшно. Домашніе бывали рады, если онъ уѣзжалъ съ собаками въ отъѣзжее поле или пропадалъ въ таборѣ Цыганъ, а жена благодарила судьбу, что не имѣла сыновей, изъ опасенія сходства съ отцомъ. Дочери ихъ такимъ образомъ не получили образованія соотвѣтственнаго ихъ хорошимъ средствамъ, выучились только танцовать, а мать не жалѣла для нихъ нарядовъ. Сама она ежедневно ходила въ шелку и бархатѣ, въ крупномъ жемчугѣ и длинныхъ бриліантовыхъ серьгахъ; дѣти же отъ 6 до 14 лѣтъ, въ описываемое время, всегда богато одѣтыя, носили широкіе волосяные кринолины, а такъ какъ они не были высокаго роста, то и были прозваны боченочками. Чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ кринолинъ полагался шире. Пріѣхавъ на имянины къ Голубцовой, навезли онѣ столько платьевъ, что ихъ едва помѣстили въ особо для того отведенной большой комнатѣ. По времени всѣ пять сестеръ, имѣя хорошее приданое, сдѣлали приличныя партіи. Марія стала баронессой Отто, Наталья вышла за своего однофамильца Воейкова, Екатерина за гвардіи полковника Миницкаго, Надежда за князя Оболенскаго. Эта была изъ всѣхъ сестеръ наиболѣе развитая и симпатич-

ная, но не особенно счастлива за мужемъ-игрокомъ и рано умерла, оставивъ двухъ сиротъ. Младшая Воейкова Анна, баронесса Боде, умерла также молодою, и всѣ пять сестеръ не достигли старости.

Третья дочь Марьи Александровны Осиповой, Екатерина Григорьевна, оставшаяся при больной матери, по смерти ея, будучи уже немолода, жила то со старшей сестрой Голубцовой, то въ Москвѣ съ дядей, сенаторомъ Акинѳіевымъ, котораго была любимицей. У него же она была и во время описаннаго мною пріѣзда нашего въ Бѣлокаменную. Старшія сестры мои, дружныя съ ней, тотчасъ дали ей знать о своемъ пріѣздѣ, и вотъ она входитъ къ намъ, къ общему удивленію съ завязанными глазами и, опустившись среди комнаты на колѣни, начинаетъ декламировать стихи, объявляя тѣмъ, что она влюблена въ Дмитрія Николаевича Бологовскаго, слѣпотствуетъ и рѣшилась дать ему слово, хотя знаетъ его непостоянный характеръ и что онъ имѣетъ четверыхъ дѣтей отъ первой жены и совсѣмъ ей не пара, но что дѣлать! Амуръ, мальчишка плутоватый, со своими атрибутами нагрянулъ къ ней въ палаты... Такъ какъ сестры мои хорошо знали Бологовскаго за игрока и притомъ любившаго полевать съ собаками, то старались образумить подругу; но влюбленная не послушалась и, будучи уже почти сорока лѣтъ, все же вышла за своего красавца генерала, любезнаго, свѣтскаго человѣка, имѣвшаго уже тогда двѣ звѣзды за отличіе. Первая жена его Варвара Сергѣевна Салтыкова, страдая ревматизмомъ ногъ, лѣчилась, живя въ своемъ имѣніи Богодиловѣ близъ города Ельни. Пользовалъ ее магнетизёръ Шульцъ, пріобрѣтшій въ то время извѣстность. Больная никуда не выѣзжала и не мѣшала мужу на свободѣ охотиться и вращаться въ обществѣ мущинъ съ подходящими наклонностями, такъ что онъ иногда забывалъ, что женатъ. Въ пору вдовства его, старшій сынъ его былъ уже офицеромъ, второй въ корпусѣ, дочь оканчивала воспитаніе въ Смольномъ, а младшаго Петрушу воспитывалъ родственникъ ихъ по матери Шереметевъ. Екатерина Григорьевна, увлекшись молодымъ вдовцомъ, искала частыхъ съ нимъ встрѣчъ. Такъ въ день Семика поѣхала она съ этой же цѣлью въ Марьину рощу, пригласивъ насъ занять мѣста въ ея ландо, запряженное четверкою сѣрыхъ на выносъ, съ форейторомъ, какъ тогда ѣздили. Въ Марьину рощу собирался народъ на гулянье лѣтомъ, принося домашніе пироги и закуски; разстилались по лужайкамъ ковры, составлялись кружки знакомыхъ; Цыгане, раздѣлившись на группы по 5—6 человѣкъ, ухарски пѣли, охотники выступали въ присядку и трепака; молодежь изъ мастеровыхъ, кто имѣлъ хотя бы пятакъ въ карманѣ, угощалась водкой, разными питіями и закусками съ лотковъ; разносчики голосисто выкрикивали свой товаръ.

Такимъ образомъ гулянье продолжалось до ночи, а при полной лунѣ и долѣе. Люди позажиточнѣе ѣздили кругомъ въ экипажахъ, вытянутыхъ въ линію и дѣлая кругъ болѣе версты длиною. Ландо, въ которомъ мы сидѣли съ Осиповой, помѣстилось въ эту вереницу экипажей, но не могло ѣхать спокойно, потому что невѣста все старалась столкнуться съ Бологовскимъ, экипажъ котораго, желтую двухмѣстную карету парой, она все высматривала и только что завидитъ подходящій по цвѣту экипажъ, тотчасъ велитъ изъ круга выступить, что̀ всегда возбуждало пререканія полиціи, а ее задобривать надо было извѣстнымъ приношеніемъ. Оказалось, что жениха на гуляньи вовсе не было, и наши труды пропали. При свиданіяхъ Бологовскаго съ Осиповой они большею частью проводили время въ томъ, что, усѣвшись визави, играютъ въ шашки или шахматы, раздумывая надъ каждымъ ходомъ по получасу и затягивая игру на нѣсколько дней. Послѣ свадьбы они уѣхали въ свое Смоленское имѣніе. Вскорѣ Бологовской отправился въ Петербургъ, чтобы привезти дочь Софью Дмитріевну, кончившую ученье въ Смольномъ. Онъ ввелъ ее въ свой домъ, не предупредивъ, что женатъ, и Софья очень удивилась, очутившись въ объятіяхъ незнакомой дамы. Она осталась недовольна сюрпризомъ, не ладила съ мачихой, такъ что отецъ счелъ лучшимъ снова отвезти ее къ роднымъ по матери Шереметевымъ, въ столицу, гдѣ она много выѣзжала и веселилась, но разъ лѣтомъ, качаясь на качеляхъ въ обществѣ молодежи, такъ несчастливо упала, что повредила спинной хребетъ и не долго прожила. Екатерина Григорьевна, имѣя собственное хорошее состояніе, пріютила у себя свою двоюродную сестру Дарью Ивановну Новосильцову, мужъ которой прожилъ свое и женино имѣніе, и Дарья Ивановна съ двумя дочерьми-малютками терпѣла крайнюю нужду и помѣщалась въ бесѣдкѣ большаго сада, не помню, кому принадлежавшаго. Помѣщеніе было мрачно и сыро, и когда мы по знакомству бывали у нея, то даже чай для гостей присылала Осипова; дѣтскія кровати имѣли самый жалкій видъ, и во всемъ видна была бѣдность. Помѣщенныя въ институтъ, осиротѣвъ эти двѣ дѣвочки со временемъ были взяты богатымъ дядею, жившимъ въ Петербургѣ и вышли замужъ. Младшая, Елисавета Васильевна сдѣлала особенно хорошую партію, выйдя за извѣстнаго Севастопольскаго героя Корнилова.

Возвращаюсь къ описываемому періоду моей бытности въ Москвѣ въ ранней молодости. Изъ видѣнныхъ мною достопримѣчательностей живѣе остальныхъ воскресаютъ въ моей памяти небольшой сравнительно съ нынѣшнимъ дворецъ Государя Александра Павловича, въ два этажа, а въ немъ припоминаются особенно гостиная комната въ

три окна, съ вышитой шерстями мебелью и такимъ же большимъ ковромъ, работы сестеръ Государя; вторая съ серебряной ванной между двухъ колоннъ: съ трехъ сторонъ большія зеркала, что́ ужасало мое дѣтски-наивное воображеніе при мысли объ отраженіи въ нихъ купающейся въ ваннѣ. Третья комната особенно заинтересовала меня: это небольшая спальня Государя съ походной его кроватью, матрацомъ зеленаго сафьяна и такою-же подушкой, и его же небольшой кабинетъ съ однимъ окномъ на площадь. Онъ представлялъ собою палатку изъ краснаго сукна собраннаго вверху розеткой и съ маленькими кругомъ диванчиками. Забредя туда ранѣе прочаго общества и очень уставъ, я присѣла на одинъ изъ нихъ отдохнуть, но тотчасъ вскочила, увидя себя мгновенно въ какой-то большой компаніи и только въ слѣдующую секунду сообразила, это это не болѣе какъ мое собственное отраженіе въ зеркалахъ. Осматривали мы и терема, гдѣ меня удивила необыкновенно высокая постель, почти достигавшая невысокаго потолка, простота убранства и тѣснота маленькихъ покоевъ. Помню я Евангеліе, лежавшее тамъ на столѣ, писанное рукою царевны Татьяны Михаиловны, съ раскрашенными красной киноварью углами и такими же окраинами. Помню еще нѣсколько узкихъ переходовъ и узкую витую лѣстницу, выведшую насъ на небольшую площадку, откуда, едва помѣстившись на ней (такъ было тѣсно), мы любовались роскошнымъ видомъ на Замоскворѣчье. Памятна мнѣ и домовая церковь, сообщающаяся съ теремами коридорчикомъ, и хоры за частой, густой рѣшеткой, мѣсто тайнаго присутствія царицъ и царевенъ, во время богослуженія. Мы вышли чрезъ нарядныя сѣни, расписанныя, какъ видно, позднѣе, въ Турецкомъ вкусѣ. Въ узорѣ, покрывавшемъ ихъ стѣны, я нашла сходство съ узоромъ моей Турецкой шали. Знаменитое красное крыльцо было украшено фресками, а самое зданіе покрыто гранью въ видѣ четвероугольниковъ. Были мы также въ Патріаршей ризницѣ, гдѣ кромѣ поразительно-громадныхъ и богатыхъ образовъ, ризъ и прочаго, мое вниманіе было привлечено множествомъ жемчуга, помѣщавшагося въ особой комнатѣ, вдоль стѣнъ которой уставлены были кадки, нижній рядъ въ четыре четверика, второй въ три, третій въ два и, наконецъ, въ одинъ четверикъ; впрочемъ жемчугъ довольно мелкій и неправильной формы. Видѣли мы Оружейную Палату, словомъ все интересное. Князь Щербатовъ, водившій насъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ, жилъ самъ еще по старинному, имѣя прислугою при княжнахъ Арапку, тоже казавшуюся мнѣ интересной.

У Голостѣновыхъ познакомились мы съ Горчаковыми и довольно близко съ ними сошлись. Семейство это состояло изъ отца, двухъ сыновей Андрея и Сергѣя Николаевичей и четырехъ дочерей, на млад-

шей изъ которыхъ, спустя годъ, женился братъ мой Яковъ. Софья Николаевна, моя невѣстка, была недурна собой, богомольна, но не дальняго ума, имѣла полтораста душъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губерніи и была съ ногъ до головы коренной Москвичкой. Все у нея голубушки Московскія ухватки и ужимки на каждомъ шагу, что́ не особенно нравилось моимъ сестрамъ, любившимъ хорошія манеры и тонъ.

Въ то время пользовалась въ Москвѣ громкой извѣстностью старинная знакомая матушки Анастасія Николаевна Хитрова, раздавательница репутацій; а потому ее не только уважали, но и побаивались. Она была небольшаго роста и жила въ собственномъ каменномъ домѣ со вдовой дочерью и племянницей. У нихъ пріютилась дальняя родственница наша, небогатая вдова Крымова, изъ дѣтей которой одна дочь Марія, получивъ образованіе въ Смольномъ и красивая собой, была помѣщена къ извѣстной графинѣ Орловой-Чесменской. Графиня, вся преданная молитвѣ, была поклонницей духовенства, начиная съ митрополита до послѣдняго пономаря, кромѣ церквей и монастырей никуда не ѣздила, кромѣ монаховъ никого не принимала, такъ что молодая, хорошенькая Крымова жила затворницей; придя въ зрѣлый возрастъ, она постриглась въ монахини подъ именемъ Варсонофіи и была впослѣдствіи казначеей монастыря.

Въ Москвѣ слышала я въ первый разъ разговоръ на Англійскомъ языкѣ. Это было въ Англійскомъ магазинѣ. Насъ провинціалокъ поразила брань нѣсколькихъ человѣкъ, и мы въ опасеніи скандала хотѣли скорѣе ретироваться, когда намъ было объяснено, что тутъ ничего нѣтъ кромѣ обыкновеннаго разговора Англичанъ между собою. Привыкши къ пѣвучимъ, ласкающимъ звукамъ Романскихъ языковъ, я нашла Англійскій очень непріятнымъ.

Къ концу лѣта вернулись мы къ себѣ въ Покровское, куда съѣхались много знакомыхъ и нѣкоторые родственники, въ томъ числѣ два брата Крымовы, братья упомянутой мною монахини. Ихъ помѣстили съ другими гостями въ большой садовой бесѣдкѣ на берегу довольно глубокой сажалки для карасей, черезъ которую былъ перекинутъ на аркѣ мостикъ, выкрашенный розовой краской и освѣщавшійся двумя фонарями. Садовникъ нашъ, порядочный пьяница, вымѣнивалъ любимую водку на яблоки, порученныя его надзору и, чтобы скрыть свой грѣхъ, привязывалъ штофъ на веревку къ аркѣ моста, спустивъ посуду свою въ воду, а ночью, прокравшись, вытаскивалъ ее, чтобы на досугѣ покуликать. Разъ, подойдя такимъ образомъ къ водѣ, видитъ онъ качающуюся тонкую березу, низко наклонившуюся, тогда какъ прочія деревья стояли не шелохнувшись. Какая-то фигура, раскачивающая

березу и вся облитая свѣтомъ полнаго мѣсяца, поразила его. Думая видѣть лѣшаго, онъ сталъ кричать; изъ бесѣдки выскочилъ одинъ изъ Крымовыхъ и узналъ въ лѣшемъ своего брата-лунатика, котораго, послѣ осторожныхъ заманиваній, наконецъ удалось снова уложить въ постель.

Возвратясь къ деревенской жизни, мы возвратились и ко многимъ деревенскимъ забавамъ. Такъ на Святкахъ снова повторились домашніе маскарады, въ которыхъ изъ дворовыхъ нашихъ особенно отличался Андрей Аверьяновъ, забавлявшій публику, нарядившись разносчикомъ. Онъ выдолбилъ въ видѣ стакановъ толстую свеклу, брюкву, картофель, морковь и, вставивъ въ нихъ свѣчи, носилъ эти импровизированные разноцвѣтные фонари на головѣ, на подносѣ, выкрикивая: сбитень горячій, и тому подобное; публика дѣлала видъ, что покупаетъ его напитки. Онъ былъ заика, что̀ не мѣшало прочимъ дворовымъ заслушиваться его сказокъ про Ивана Царевича и Жаръ-птицу. Одна молодая горничная мнѣ даже объяснила, что Андрей прекрасно говоритъ и всегда его сказки новы, потому что ихъ трудно понять. Другой дворовый, ловкій парень, хорошо плясалъ, выступая съ лучшей танцоркой изъ горничныхъ, пускался въ ухорскую присядку; а когда ему ставили среди комнаты два стула, спинками вмѣстѣ, онъ мигомъ перекувырнется черезъ нихъ, и такъ повторяется нѣсколько разъ.

Въ слѣдующемъ году, только что женившійся братъ Яковъ привезъ молодую жену въ Покровское, и они поселились въ одномъ изъ двухъ каменныхъ новыхъ флигелей, стоявшихъ по сторонамъ дома шагахъ въ 30-ти отъ него. Молодые привезли съ собою человѣкъ шесть слугъ, а когда родился ихъ первенецъ Сережа, взяты были къ нему кормилица и няня, такъ что всей прислуги во флигелѣ брата было 10 человѣкъ, во всемъ же селѣ нашемъ было болѣе семидесяти душъ дворовой челяди. Флигель былъ помѣстительный, въ пять комнатъ и наверху антресоли. Большую часть дня молодые конечно проводили въ домѣ; но, какъ я уже говорила, невѣстка не была во вкусѣ семьи нашей. Мы никогда ничѣмъ не притирались, она же всякій день бѣлилась и румянилась. За карточнымъ столомъ, бросивъ съ азартомъ карту на столъ, стукнетъ ею и какъ-то задергается вся, даже ноги подъ столомъ заходятъ, говоритъ громко и скоро, бѣгаетъ за мужемъ въ поле, если онъ пойдетъ по хозяйству, словомъ была совсѣмъ другаго тона; тѣмъ не менѣе всѣ старались дѣлать bonne mine au mauvais jeu и ладили по наружности. Между тѣмъ батюшка, хотя и слѣпой, принималъ еще участіе въ хозяйствѣ и велъ большую переписку со знакомыми и отсутствующими сыновьями чрезъ посред-

ство старшей дочери и, любя хорошій столъ, самъ заказывалъ обѣдъ, по буднямъ изъ пяти блюдъ, а по праздникамъ бывало у насъ перемѣнъ до 12-ти и болѣе. Три большихъ кухонныхъ книги помогали въ выборѣ. Сестры каждая завѣдывала особой отраслью хозяйства. Екатерина Сергѣевна варила варенье до 4-хъ и 5-ти пудовъ, Елисавета имѣла въ своемъ вѣдѣніи домашнихъ птицъ, коихъ бывало до тысячи разнаго сорта на трехъ птичьихъ дворахъ; Елена смотрѣла за пряжей и тканьемъ холста, котораго у насъ вытыкали ежегодно до 500 аршинъ, отъ самаго тонкаго, не уступавшаго Голандскому, до толстаго. Надежда Сергѣевна, кромѣ лѣченія больныхъ и завѣдыванія аптекой, кромѣ занятій со мной и Лизой и письмоводства съ отцомъ, присматривала за работой горничныхъ, которыя, по обычаю того времени, наполняли дѣвичью, вышивая по тюлю, кисеѣ и плетя кружева по задаваемымъ сестрою урокамъ. Мать моя съ помощью главной управительницы Ѳедоры Семеновны заготовляла всевозможныя питія. Даже конфекты дѣлались тогда домашними средствами; у насъ бывало очень хорошее нугà изъ фисташекъ, помадныя конфеты изъ розъ и много другаго. По времени мнѣ тоже было дано занятіе—разливать чай, кофей, какао чтò кому угодно. Ранѣе завѣдывала этимъ сестра Татьяна Сергѣевна, скончавшаяся въ молодыхъ лѣтахъ.

Кухня при домѣ занимала противуположный братниному флигель, также состоявшій изъ пяти комнатъ кромѣ антресолей, гдѣ была кладовая. Внизу, кромѣ самой кухни, были комнаты для семей двухъ поваровъ и приспѣшная. Такъ какъ нашъ поваръ, хотя и хорошій, но готовившій на старинный манеръ, началъ старѣться, то отецъ помѣстилъ молодаго малаго изъ дворни учиться кулинарному искусству въ Московскій Англійскій клубъ и когда по окончаніи его ученья онъ вернулся къ намъ, нашъ столъ сдѣлался утонченнѣе, и молодой поваръ нашъ пользовался такой хорошей репутаціей между сосѣдями, что его часто приглашали готовить имянинные обѣды и отдавали мальчиковъ-подростковъ къ нему на выучку.

Въ слѣдующее лѣто меня въ первый разъ вывезли въ общество. Въ старину провинція собиралась на ярмарки, по многолюднымъ мѣстечкамъ и городамъ, оживлявшимся на извѣстное время съѣзжавшимися купцами, помѣщиками и людомъ всякаго рода. Такъ поѣхали мы въ торговое мѣстечко Хиславичи, принадлежавшее графу Салтыкову и расположенное на границѣ Литвы. Оно кишѣло Еврейскими лавками, а управленіе было по преимуществу Польское; ярмарка была всегда многолюдна. Туда съѣхались многіе знакомые наши, въ томъ числѣ Римскіе-Корсаковы и Энгельгарты. Елисавета Ѳедоровна только что выдала одну изъ дочерей своихъ Надежду за князя Энга-

лычева, человѣка свѣтскаго, живаго характера; ему очень понравилась по контрасту наивность Надежды Григорьевны, подъ которой онъ не съумѣлъ разпознать мало развитый умъ, а принялъ ея ограниченность за милую невинность деревенской барышни, за что̀ поплатился впослѣдствіи семейнымъ разладомъ. Елисавета Ѳедоровна познакомила насъ съ племянницами своими, тоже Энгельгартъ, почти однихъ лѣтъ со мною, и мы вмѣстѣ столкнулись на балѣ или, какъ тогда называли, на *редутѣ*. Я, не будучи хороша собой, а лишь миловидна, сѣла между двумя изъ нихъ, хорошенькими собой. Вскорѣ двое изъ нашихъ знакомыхъ подходятъ и приглашаютъ ихъ на мазурку. Тогда я говорю имъ: «Вотъ вы хороши собою, и васъ пригласили лучшіе кавалеры, а меня дурнушку кто пригласитъ?» Онѣ начали успокоивать меня, что конечно и меня пригласятъ. «Если и найдется мнѣ кавалеръ, говорю я, то какой-нибудь плохенькій, невзрачный; но за то вы увидите, что я буду очень веселиться, и кавалеру моему скучно не будетъ». Меня дѣйствительно скоро пригласилъ какой-то незнакомый, рябоватый господинъ; но я дала себѣ слово веселиться, для чего, вспомнивъ ту дочь Елисаветы Ѳедоровны, которая произвела эффектъ наивностью, чтобъ не сказать глупостью, рѣшила разыграть роль наивной деревенской дурочки. Усадивъ меня, мой кавалеръ спрашиваетъ, далеко ли я живу; отвѣчаю: «Ахъ какъ далеко! Ужъ мы ѣхали, ѣхали, насилу доѣхали». Онъ начинаетъ улыбаться моему ахъ! и распрашиваетъ, какъ я провожу время. Я болтливо разсказываю, какъ забавляюсь со своими горничными, наряжаюсь съ ними и пляшу, а лѣтомъ съ ними же бѣгаю за грибами; словомъ, моя роль мнѣ такъ удалась, что видимо слушатель потѣшался и отъ души даже расхохотался моей какой-то наивной выходкѣ, что̀ меня заставило сдѣлать ему удивленные глаза и остановиться въ разсказѣ. Онъ конечно тотчасъ состроилъ серьезную мину, и болтовня продолжалась. По окончаніи мазурки, сестры спрашиваютъ, что̀ я такое говорила, что мой кавалеръ такъ смѣялся; я объяснила, что разсказы мои были самые обыкновенные, и я не знаю, что̀ заставило его хохотать. Онъ же такъ заинтересовался мною, что тутъ же пригласилъ меня на завтрашнюю мазурку и остальное время все слѣдилъ за мной глазами. На завтра утромъ мы поѣхали за покупками въ Еврейскіе ряды, довольно грязные, и мой вчерашній незнакомецъ, встрѣтивъ насъ, безпрестанно усиливался съ нами столкнуться. Вечеромъ стали снова собираться въ редутъ. Квартировали мы въ Еврейскомъ домѣ, почему чада и домочадцы хозяевъ сочли себя въ правѣ присутствовать при нашемъ туалетѣ, и ничѣмъ не могли мы ихъ выпроводить. Они принимали живое участіе въ уборкѣ нашихъ волосъ. Одинъ Еврей держитъ предо мною зеркало, изъ за котораго выгляды-

ваютъ его козлиная борода и пейсики; другой предлагаетъ надѣть мнѣ башмаки, третій заботится о моемъ носовомъ платкѣ и духахъ и такъ далѣе. На мнѣ было новое тентинетовое бѣлое платье на бѣломъ же атласномъ чахлѣ, красная роза въ волосахъ, другая у пояса, и на шеѣ красный газовый шарфъ, который мать купила для меня у плѣннаго Турка. Въ этотъ разъ я нашла, что одѣта къ лицу. Мы отправились въ каретѣ въ шесть лошадей съ форейторомъ. Въ самомъ началѣ бала я была приглашена старикомъ Римскимъ-Корсаковымъ и поставлена въ первой парѣ Польскаго. Мы принялись выдѣлывать добросовѣстно всѣ старинные па Польскаго, о которыхъ теперь не имѣютъ и понятія; а за нами потянулось еще паръ 30. Старикъ Корсаковъ, любитель и знатокъ, руководилъ танцемъ, составивъ кругъ во всю залу. Мы очутились въ послѣдней парѣ, и затѣмъ снова въ первой. Экосезъ я тоже танцовала одушевленно, такъ какъ это танецъ живой и веселый. Вчерашній мой кавалеръ не танцовалъ, а лишь сложа руки, à la Napoleon, слѣдилъ за мной, не уставая. Но вотъ во время экосеза слышу какой-то шумъ; младшій Корсаковъ подбѣгаетъ и говоритъ, что нашего кучера убили. Я въ испугѣ бѣгу и нахожу своихъ испуганными, въ слезахъ. Оказалось, что женѣ маршалка (предводителя) Голынскаго вздумалось ѣхать домой, а какъ она играла главную, почетную роль, то исправникъ - Полякъ, считавшій обязанностью показать усердіе, такъ закричалъ на нашего кучера, стоявшаго съ каретой впереди экипажа Голынскихъ, съ такими угрозами и ругательствами, что тотъ, не удержавъ съ испугу дернувшихъ лошадей, свалился съ козелъ имъ подъ ноги; лошади отъ шума и крика, къ тому же запутавшись въ постромкахъ, понесли, зацѣпляя по дорогѣ стоявшіе экипажи; словомъ, вышла такая сумятица, что балъ не могъ продолжаться. Бѣднаго нашего кучера безъ чувствъ подняли и внесли въ переднюю, куда мы всѣ сбѣжались. Всѣ были возмущены поведеніемъ исправника, котораго заставили просить у моей матери на колѣняхъ прощенія, предварительно розыскавъ его, такъ какъ онъ спрятался подъ карточный столъ отъ подкутившихъ господъ, намѣревавшихся съ нимъ расправиться, тѣмъ болѣе, что какъ исправникъ, такъ и маршалокъ Голынскій, присутствовавшій въ Польскомъ національномъ костюмѣ (кунтушѣ и прочемъ) были Поляки, и старинный антагонизмъ двухъ Славянскихъ племенъ готовъ былъ разгорѣться при такомъ удобномъ случаѣ. Два брата Калечитскіе, узнавъ, что семейство наше на балѣ состоитъ изъ однѣхъ дамъ, еще болѣе стали настаивать на удовлетвореніи, и какъ матушка ни отговаривалась, все же несчастнаго блюстителя порядка, блѣднаго и трепещущаго, заставили просить прощенія на колѣняхъ и обѣщать исполнить все, что̀ отъ него требо-

вали, а именно въ собственной бричкѣ отвезти раненаго кучера на нашу квартиру, вправить ему сломанную ногу на свой счетъ и дать 25 рублей награжденія. Все это онъ въ точности исполнилъ. Мы уѣхали въ экипажѣ Римскихъ-Корсаковыхъ, потому что нашъ былъ поврежденъ, а выносныхъ лошадей нашли лишь на слѣдующее утро гдѣ-то въ полѣ. На этой же ярмаркѣ матушка купила у Евреевъ по нѣскольку нитокъ недурнаго жемчугу для каждой изъ насъ. На обратномъ пути изъ Хиславичъ памятенъ мнѣ нашъ отдыхъ въ дорогѣ, въ селѣ Лучесахъ, помѣщика Глинки, гдѣ мы осматривали оранжереи, полныя прекраснѣйшими розами; особенно были хороши бегоніи темнокрасныя, на высокихъ штамбахъ до двухъ саженъ роста.

Съ наступленіемъ осени и зимы я и Лиза продолжали заниматься, хотя и не такъ усидчиво, какъ прежде, потому что стали чаще принимать участіе въ поѣздкахъ по сосѣдямъ. Матушка не любила ѣздить одна, и если старшія сестры были почему либо не расположены сопутствовать ей, которая нибудь изъ нихъ, войдя на порогъ моей комнаты, говорила: «Марья Сергѣевна, матушка ѣдетъ туда-то», и я, какъ младшая и воспитанная въ строгомъ повиновеніи, безотговорочно наполняла собою карету, хотѣлось ли мнѣ того или нѣтъ. Къ намъ тоже пріѣзжали гостить сосѣди, напримѣръ Мавра Сидоровна Кушлянская, небогатая малоразвитая старуха, очень суевѣрная. Святочными вечерами особенно много являлось ей вѣдьмъ, домовыхъ, кикиморъ и всякой нечести. Мы, молодежь, подъ часъ забавлялись этимъ. Оставивъ старуху при наступленіи сумерокъ одну въ комнатѣ, потихоньку впускали мы къ ней которую нибудь изъ горничныхъ, закутавъ ее въ простыню, съ зажженной паклей во рту. Мавра Сидоровна съ страшнымъ крикомъ бросалась въ комнату матушки, вполнѣ убѣжденная, что видѣла кикимору. Одинъ изъ сыновей этой старухи, однополчанинъ брата Сергѣя, дослужился до чина капитана и, не имѣя своего угла, жилъ у насъ во флигелѣ, по отъѣздѣ брата Якова. Этотъ Тимофей Логиновичъ Кушлянскій ни во что не вмѣшивался, ничѣмъ не интересовался и изъ своего флигеля являлся къ намъ въ домъ лишь заслышитъ обѣденный звонокъ. Плотно покушавъ, молча уходилъ онъ снова къ себѣ, и чѣмъ наполнялъ онъ свои остальные часы, не знаю. Такъ жилъ онъ у насъ до смерти своей болѣе 20 лѣтъ. Брата его матушка опредѣлила въ кантонисты, и онъ дослужился до чина поручика, а племянницу Марью Родіоновну взяла въ число своихъ воспитанницъ Наталья Григорьевна Голубцова, у которой кромѣ нея были еще помянутая прежде Лызлова и сирота Варя Афросимова, хорошенькая дѣвочка лѣтъ 8. Брата ея Голубцовы опредѣлили въ корпусъ, а затѣмъ на Кавказъ. Генеральша Голубцова такъ была дружна со старшей

сестрой моей, хотя была гораздо старѣе ея лѣтами, и оба Голубцовы такъ любили всю нашу семью, что съ цѣлью ближе жить къ намъ и чаще видаться купили по сосѣдству съ нами участокъ земли и развели усадьбу. На одномъ изъ нашихъ хуторовъ, на Сгорѣлищѣ, отецъ мой еще вскорѣ по пріѣздѣ изъ Сибири открылъ ключъ желѣзной воды схожій съ Липецкимъ и для пользованія имъ выстроилъ по близости домъ довольно просторный, оставшійся однако по разнымъ обстоятельствамъ необитаемымъ. Этотъ-то домъ пріобрѣли Голубцовы и назвали усадьбу Натальинымъ, въ родовое же село свое Гнѣздилово въ 30 верстахъ отъ насъ стали ѣздить изрѣдка. Вслѣдствіе подозрительности Голубцовой или вопреки ей, въ домѣ ея, еще въ бытность у нея всѣхъ трехъ воспитаницъ, начался съ хорошенькой Варей романъ, окончившійся весьма печально. Голубцова, вышедшая замужъ уже не молодыхъ лѣтъ, сохранила и въ замужествѣ много оригинальныхъ воззрѣній. Такъ она постоянно пряталась отъ мужскаго пола, не терпѣла на себѣ пристальнаго взгляда мужчины и изъ опасенія его, чтобы меньше было видно ея лица даже тѣмъ лакеямъ, что̀ прислуживали ей за обѣдомъ, снимала свою гроденаплевую сѣрую, глубокую шляпу только ложась спать, днемъ же не только постоянно носила ее на головѣ, но еще завѣшивала себѣ лицо до подбородка зеленой густой вуалью. Шляпы же носили въ то время въ видѣ кибитки. Въ этой же шляпѣ была она и въ то время, когда состоялась свадьба ея воспитаницы съ однимъ изъ семинаристовъ, пріѣхавшихъ къ родственникамъ въ Гнѣздилово. Товарищъ его, увидѣвъ хорошенькую Варвару Васильевну, влюбился въ нее, и когда Голубцова отправлялась на прогулку, онъ всюду слѣдовалъ за Варей. Прогулка же совершалась такъ: впереди генеральша плотно завѣшенная вуалью, за ней три дѣвицы; изъ нихъ одна несетъ складной стулъ, другая склянку съ какими нибудь каплями, мятныя лепешки и проч., третья ридикюль генеральши, и все шествіе обходитъ дорожки сада и цвѣтника, подвигаясь мѣрнымъ шагомъ. Вслѣдъ за этой компаніей, переѣхавшей въ Натальино, переѣхалъ и семинаристъ и тайно поселился на огромномъ чердакѣ дома, куда былъ ходъ изъ внутреннихъ комнатъ. Варвара Васильевна незамѣтно накладетъ на тарелку отъ каждаго блюда во время обѣда и вынесетъ на балконъ, куда выходило окно ея комнаты, а онъ подкрадется съ другой стороны; такъ прошло лѣто. Между тѣмъ увлеченіе Вари подвигалось и интриговало прислугу, въ числѣ которой была Татарка-перекрестъ, которая и выдала влюбленныхъ. Начался допросъ. Семинаристъ скрылся, а Варя во всемъ призналась; но, какъ оказалось, она еще не зашла слишкомъ далеко, и все ограничилось романической любовью. Красавицу, еще совсѣмъ юную, все же отослали верстъ за 40, къ ея родной теткѣ

Афросимовой. Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ братъ Вари, Николай Васильевичъ, отчаянный Кавказецъ съ чисто-разбойничьимъ лицомъ, ухарскими замашками, совершенный сорви-голова. У него было тридцать душъ своихъ крестьянъ, и онъ поселился на своей землѣ. Пріѣхавъ къ Голубцовымъ и узнавъ исторію съ сестрой, онъ вообразилъ, что сестра его совсѣмъ погибла, страшно разсердился, потребовалъ къ отвѣту старика-генерала и, выхвативъ шашку, набросился на него; но старику какъ-то удалось вывернуться и, ухватившись за клинокъ, выдернуть его изъ рукъ нападавшаго, который, нашумѣвъ и обѣщавъ отмстить за сестру, ускакалъ. Дня черезъ два, въ лунную ночь, когда старики Голубцовы уже поужинали, заслышали они колокольчикъ и бубенцы и увидѣли лихую тройку съ телѣгой, а въ ней Афросимова съ товарищемъ; съ гиканьемъ и свистомъ спустились они съ противуположной дому горы и стали кататься кругомъ дома подъ самыми окнами, пугая стариковъ, которые, не зная, какъ освободиться отъ подобной осады, командировали нарочнаго къ намъ въ Покровское. Тотчасъ, не смотря на позднее время (въ деревнѣ же ложатся рано), заложили намъ карету, и мы отправились на выручку. Завидѣвъ, нашъ экипажъ, Афросимовъ скрылся; но дня черезъ два,снова повторилось тоже представленіе, а затѣмъ и впродолженіе всего лѣта раза по два въ недѣлю, и всякій разъ, не смотря ни на какую погоду и часъ, мы непремѣнно полной каретой являемся въ Натальино, куда почти всегда и я вынуждена была полусонная одѣться и ѣхать: потому что въ четырехмѣстной каретѣ усаживались матушка, сестра Надежда, какъ другъ и совѣтникъ Голубцовой, сестра Елена и я; другія же мои сестры не очень-то охотно ѣздили въ Натальино. Подъ осень Голубцовы стали, наконецъ, жаловаться предводителю на Афросимова, на котораго приносили жалобу и крестьяне его, называя его курятникомъ, потому что онъ потаскалъ у нихъ всѣхъ куръ. Но предводитель, боязливый, мало энергичный, сослался на трудность поймать молодца съ поличнымъ. Вдругъ является Варя, пѣшкомъ, въ сопровожденіи одной крестьянки, жалуется на преслѣдованіе брата и проситъ Голубцовыхъ снова принять ее къ себѣ; но лишь только она у нихъ поселилась, какъ наѣхалъ братъ съ теткою, наговорилъ старикамъ кучу грубостей и увезъ сестру. Дóма онъ началъ упрекать ее за связь съ семинаристомъ, требуя отъ сестры доказательства ея невинности... Несчастная не могла долго скрыть своего положенія и чрезъ посредство тетки снова прибѣгнула къ покровительству Голубцовыхъ, которые, сжалившись надъ бѣдной, красивой Варей, нашили ей къ будущему ребенку много бѣлья, отправили ее на собственный счетъ въ Московское родовспомогательное заведеніе и уплатили за полугодіе

впередъ. Но вотъ Варвара Васильевна разрѣшилась отъ бремени и, соскучившись, снова появилась съ ребенкомъ у брата, на котораго между тѣмъ крестьяне опять подали жалобу. Дѣло кончилось острогомъ и рудниками для брата и ссылкой для сестры, писавшей потомъ о своей жалкой жизни въ Сибири, и Голубцовы ей туда послали денегъ, послѣ чего всякія извѣстія о ней прекратились.

Послѣ 1812-го года долго чувствовался недостатокъ въ офицерахъ, а потому вакантныя мѣста пополнялись произведенными изъ сдаточныхъ солдатъ да изъ фельдфебелей, лишь бы знали службу. Эти новопожалованные честились общимъ именемъ фронтовыхъ офицеровъ, а какъ они всѣ были уже не нижніе чины и носили эполеты, а иные дослужились и до маіорскаго чина, то ихъ принимали и помѣщики тѣхъ мѣстъ, гдѣ были расположены ихъ роты. Въ окружности Покровскаго и въ нашихъ деревняхъ почти всегда бывали на постоѣ части войскъ, и офицеры посѣщали насъ довольно часто. Нѣкоторые фронтовые бывали очень оригинальны и никакъ не рѣшались сѣсть въ гостинной. Иной станетъ упорно, заложивъ руки за спину и стоитъ цѣлый часъ. Мы приходимъ въ затрудненіе, какъ и чѣмъ занять его. «Садитесь, прошу васъ», говоритъ сестра. «Покорнѣйше благодарю, мнѣ и здѣсь хорошо». И снова стоитъ. Старшая сестра прикажетъ мнѣ сѣсть съ нимъ играть въ крѣпость (родъ шашечной игры), для чего поставятъ небольшой столъ къ углу комнаты, и вотъ мы вдвоемъ усаживаемся. Игра длится долго, я начинаю зѣвать, даже задремать готова. «Не довольно ли?» спрашиваю партнера, надѣясь на освобожденіе. «Нѣтъ, позвольте еще», отвѣчаетъ кавалеръ, и испытаніе моего терпѣнія продолжается. Одинъ женатый маіоръ съ товарищемъ квартировалъ въ одномъ изъ нашихъ хуторовъ; они упросили насъ пріѣхать къ нимъ на чай. Мы были усердно угощаемы вареньемъ, а когда собрались уѣзжать, госпожа офицерша говоритъ: «Кушайте же пожалуйста, вѣдь не собакамъ же бросить ваши остатки». Иногда съѣзжались къ намъ семейства сосѣдей, являлись офицеры и устраивались танцы, хотя нѣкоторымъ неловкимъ, новоиспеченнымъ благородіямъ случалось падать, вальсируя. Если, во время Пасхи, солдаты квартировали въ нашей сторонѣ, то всегда бывала пальба изъ ружей при первомъ возгласѣ Христосъ воскресе, а по окончаніи службы роты выстраивались на широкомъ дворѣ противъ нашего дома и начиналось христосованіе, что̀ мнѣ казалось забавнымъ. Я наблюдала, какъ солдаты стоятъ вытянувши руки по швамъ, не смѣя шелохнуться, а офицеры обходятъ ряды тоже затянутые и съ руками по швамъ и вытянувъ губы чмокаются, то наклоняясь къ какому-нибудь невысокому солдатику, то выпрямляясь. Пребываніе военныхъ очень оживляло наше

село. Всякую весну, бывало, полкъ или два идутъ изъ южныхъ губерній подъ Москву въ лагери. Деревня наша отстояла версты двѣ отъ столбовой дороги на Вязьму и Смоленскъ. Большой проселокъ шелъ черезъ наше село, и по немъ всю зиму тянулись обозы съ хлѣбомъ, пенькою и т. п. Столбовая дорога дѣлала большой крюкъ, и нашъ проселокъ предпочитался. Штабъ полковъ держался столбоваго пути, тогда какъ полки брали сокращенной дорогой, и я любила смотрѣть, какъ они спускались съ нашей горы поротно съ пѣснями и барабаннымъ боемъ, иногда подымая насъ съ постелей въ 4 часа утра. Если бывало жарко, дѣлали привалъ, братъ приказывалъ выкатить имъ боченки домашняго пива и квасу и поилъ солдатъ, а офицеровъ зазывалъ къ себѣ и угощалъ завтракомъ или обѣдомъ, смотря по времени. Разъ шелъ полкъ съ музыкой; братъ пригласилъ офицерство, въ то время какъ было у насъ общество сосѣдей; явилась музыка; одинъ изъ военныхъ, но въ партикулярномъ платьѣ, живо и ловко сталъ распоряжаться, устанавливалъ музыкантовъ, выносилъ лишнюю мебель, чтобъ не затруднять танцевъ и проч. Оказалось, что это офицеръ, разжалованный за что-то въ солдаты до выслуги, но и не удавшаяся карьера не могла усмирить буйную голову. Онъ привелъ также почти слѣпаго ветерана, солдата, хорошо игравшаго на арфѣ и пѣвшаго старческимъ дребезжавшимъ голосомъ; онъ слѣдовалъ всюду за своимъ полкомъ.

Штабные дѣлали большею частію привалъ въ селѣ Ушаковѣ, имѣніи Римскихъ-Корсаковыхъ, въ 5 верстахъ отъ насъ, и насъ по этому случаю иногда туда приглашали. Ближайшимъ сосѣдомъ Корсаковыхъ былъ Барышниковъ, большею частью проживавшій за границей; большое имѣніе его Алексино, съ прекраснымъ садомъ, цвѣтниками и трехэтажнымъ домомъ прилегало къ Ушакову, и мы большой компаніей ѣздили осматривать оранжереи и садъ Барышникова въ отсутствіе хозяина.

Наступилъ 1825 годъ, памятный для всякаго Русскаго, годъ кончины царя Александра Павловича Благословеннаго. Осенью Государь предпринялъ поѣздку въ Крымъ; путь его лежалъ чрезъ нашу неказистую, маленькую Ельню (уѣздн. гор.). Все дворянство собралось его встрѣчать, и много было тутъ анекдотовъ, выдумокъ и приключеній. Такъ одна мелкомѣстная госпожа имѣла порядочный фруктовый садъ и, узнавъ, что путь Царя пролегалъ чрезъ ея усадьбу, вышла встрѣчать его съ полнымъ блюдомъ сливъ. Государь увидя это, приказалъ остановиться, привсталъ въ экипажѣ и взялъ одну сливу; но барыня начала упрашивать взять еще. Государь снисходительно взялъ еще одну. «Берите всѣ!» кричитъ помѣщица въ

экстазѣ и прямо высыпаетъ все содержимое блюдо въ коляску Государя. Онъ засмѣялся, велѣлъ кучеру ѣхать и, немного погодя, остановившись, приказалъ своей свитѣ разобрать сливы. Наше семейство конечно тоже пріѣхало въ Ельню еще наканунѣ дня, въ который ожидали Государя, а въ тотъ день утромъ, узнавъ, что царская кухня уже прибыла, мы пошли смотрѣть, какъ готовится Государю кушанье. Главный поваръ былъ Миллеръ, на сестрѣ котораго былъ женатъ нашъ хорошій знакомый и сосѣдъ Хлюстинъ. При помощи этой рекомендаціи мы свободно наблюдали, какъ этотъ главный кухмистеръ, во фракѣ, бѣломъ жилетѣ, съ орденомъ въ петлицѣ, засуча по локоть рукава, въ передникѣ изъ Голандскаго полотна, чистилъ коренья и, намоча черносливъ, сдиралъ съ него кожицу, чтобы сварить компотъ Государю. Наконецъ, вотъ и Государь пріѣхалъ. Я по наслышкѣ страстно любила его, хотя никогда не видала. Это было въ началѣ Августа; погода стояла прекрасная, вся площадь, въ центрѣ города, была полна народа; тутъ же были и лошади для Царя и его свиты. Приготовленъ для пріема его былъ небольшой деревянный домъ, комнаты въ четыре, купца Кузмёнкова, окнами на площадь, и нѣсколько подобныхъ же домиковъ для свиты. Онъ въѣхалъ въ городъ въ полдень и по обыкновенію прямо къ собору, гдѣ его встрѣтило духовенство. Послѣ многолѣтія, Благословенный подъѣхалъ къ отведенной ему квартирѣ, у крыльца которой стояло человѣкъ до 25 инвалидовъ. Государь сказалъ имъ: «Здорово, ребята» и вошелъ въ домъ, а ветеранамъ генералъ Соломко началъ раздавать каждому по рублю. Меня народъ прижалъ къ одному изъ оконъ, и вдругъ, о счастье! Государь подходитъ именно къ нему и отворяетъ его собственноручно, а какъ окна были отъ земли невысоко, то я очутилась въ двухъ шагахъ отъ Царя, и моя голова почти на одномъ уровнѣ съ его головой. Я опьянѣла отъ восторга и совсѣмъ будто потеряла сознаніе; я даже не помню, что̀ со мной было; но послѣ мнѣ разсказывали, что я громко кричала: «Мама, мама, посмотрите, вотъ онъ!» такъ что кто-то меня сильно потрясъ за плечи, и тогда только я опомнилась и встрѣтилась глазами съ Государемъ, который на меня смотрѣлъ и улыбался. Потомъ онъ пошелъ къ другому окну и тоже отворилъ его, а затѣмъ сѣлъ кушать, и съ нимъ сѣли человѣка четыре изъ свиты. У прибора его стояла серебряная дорожная солонка въ видѣ лоханочки и маленькая простая баночка съ надписью: cerises roses; видно, онъ любилъ ихъ. Мы все время глазѣли въ окна. Рядомъ съ нами стояла пожилая дѣвица Лярская, Анна Наркизовна, одержимая тихимъ помѣшательствомъ. Братъ ея Петръ Наркизовичъ Лярскій, у котораго во время кампаніи 1812-го года оторвало ядромъ ногу, ходилъ на костыляхъ и былъ также нашимъ знакомымъ. Анна Наркизов-

на не могла примириться съ мыслію, что младшая сестра ея вышла ранѣе замужъ и при этомъ получила отъ матери въ подарокъ желтую Турецкую шаль. Мало по малу она потеряла разсудокъ и въ каждомъ мущинѣ видѣла себѣ жениха. Въ описываемый день на одной изъ сестеръ моихъ надѣта была модная тогда пелерина съ длинными концами, убранная лентами и шитьемъ. Бѣдная помѣшанная пришла въ восторгъ отъ нея, повернулась спиной къ окнамъ, гдѣ всѣ видятъ Государя, разсматривала пелерину и громко сказала: «Слышали вы, какъ Государь сказалъ при всѣхъ: Анна Наркизовна, я тебя люблю; вотъ даже узналъ мое имя!»—По окончаніи обѣда Государь собственноручно пожаловалъ хозяйкѣ дома купчихѣ Кузмёнковой перстень съ аметистомъ и бриллiантами, а хозяину, ея мужу, золотые часы. Вскорѣ подали ему экипажъ, простую, безъ всякихъ украшеній, зеленую коляску, запряженную въ восемь лошадей на выносъ; съ нимъ сѣлъ Дибичь. Лакеевъ не было, а только на козлахъ знаменитый Илья. Лошади сѣрыя въ яблокахъ. Но лишь коляска тронулась, какъ весь народъ, съ крикомъ ура, схватился за колеса, такъ что экипажу нельзя было двинуться; шапки, шляпы, все полетѣло вверхъ, энтузіазмъ былъ всеобщій. Государь всталъ и раскланялся на всѣ стороны. «Жена моя скоро будетъ у васъ», сказалъ онъ народу. Это еще болѣе всѣхъ восхитило. Такъ мы проводили незабвеннаго, кончину котораго вскорѣ горько оплакали.

Встрѣча Государыни, для которой мы снова въ Сентябрѣ поѣхали въ Ельню, была неудачна. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Не смотря на то, множество дамъ, и мы въ томъ числѣ, стояло подъ окнами Императрицы; но она была нездорова, и мы ея не видали. Я только видѣла, какъ въ поданную карету вошла дама въ бѣлой шали и темно-малиновомъ ваточномъ копотѣ; но кто это былъ, не знаю. Я засмотрѣлась на запухшія отъ сырости окна кареты, стараясь что-нибудь чрезъ нихъ увидѣть, какъ вдругъ слышу надъ собою: «Ayez la bonté de me permettre de passer», оглядываюсь и вижу довольно полнаго немолодаго господина въ надвинутой до бровей фуражкѣ и военной шинели, изъ за которой выглядывала звѣзда. Это оказался князь Волконскій, сопровождавшій Государыню.

Въ продолженіе наступившей затѣмъ зимы испытали мы многія огорченія и потери. Вѣсть о кончинѣ такъ горячо любимаго Царя потрясла всѣхъ. Много было толковъ по этому поводу. Распространился слухъ, что Англичане опоили его медленнымъ ядомъ, отъ котораго у него скоплялась вода въ головномъ мозгу. Ее хотя и выпускали, дѣлая операцію, но она снова накоплялась и свела его въ гробъ. Потомъ этотъ слухъ опровергали и пускались въ новыя догадки. Около

этого же времени умеръ генералъ Петръ Петровичъ Пассекъ, котораго я уважала и любила. Затѣмъ сильно простудилась сестра Татьяна Сергѣевна и скончалась въ полномъ разцвѣтѣ силъ и красоты; ей еще не было и тридцати лѣтъ. За ней послѣдовалъ и старикъ отецъ мой, котораго смерть отъ удара (coup foudroyant) насъ особенно поразила своей внезапностью. За нѣсколько дней до кончины его, старшая сестра получила письмо отъ Бунаковыхъ, нашихъ Вяземскихъ знакомыхъ. Онѣ передаютъ, что сосѣдъ ихъ Бѣльскій такъ заинтересовался мною, танцуя со мною во время съѣзда на ярмаркѣ въ Хиславичахъ (это когда я прикинулась наивною), что просилъ Бунаковыхъ пригласить наше семейство пріѣхать, дабы имѣть случай познакомиться. Узнавъ, что Бѣльскій человѣкъ порядочный и имѣетъ достаточныя средства, а потому можетъ быть мнѣ партіей, стали собираться къ Бунаковымъ. Но конечно все это дѣлалось (т. е. читали письмо и рѣшали его послѣдствія) между моими старшими, я же могла только догадываться о затѣваемомъ. Мнѣ подарили модную шляпку à la bergère изъ бархата масакà съ голубой отдѣлкой изъ шелковаго шарфика. Горничныя усѣлись вышивать мнѣ платье бережевое, цвѣта abricos; вышивалась гладью кайма, нѣсколько ниже колѣнъ, шелками зеленаго цвѣта, изображавшая дубовые листья. На поясѣ и эполеткахъ тѣже листья помельче. Но вотъ случилась катастрофа, смерть отца, и поѣздка не состоялась. Кончина эта такъ потрясла мать мою и любимую дочь отца Елисавету Сергѣевну, что онѣ заболѣли.

Когда начали онѣ поправляться, мы поѣхали на богомолье въ Нилову пустынь, гдѣ незадолго до того отошелъ въ вѣчность архимандритъ Никаноръ, въ мірѣ Николай Александровичъ, родной братъ моего отца. Память о немъ живо сохранялась между монахами, которые его очень любили, а потому, узнавъ въ насъ его родныхъ они встрѣтили насъ радушно, отвели намъ особое помѣщеніе очень хорошее и угождали какъ могли лучше. У насъ даже была отдѣльная кухня, въ которой мы готовили для больныхъ нашихъ скоромное кушанье; а какъ онѣ были еще слабы, то іеромонахъ приходилъ въ наши комнаты служить особо для насъ всенощную. Нѣсколько отдохнувъ, матушка съ старшими дочерьми говѣла. Тутъ во время Херувимской я въ первый разъ услышала кликушъ, поднявшихъ такой вой, что стало страшно и тоскливо на душѣ. Это повторялось каждую обѣдню. Притворялись ли эти женщины или нѣтъ, я не знала навѣрное. Монастырь стоитъ посреди острова Столбнаго, почему и святой Нилъ называется Столбенскій. Мѣстность его на озерѣ Селигерѣ, очень красива, что̀ было замѣтно даже зимою. Большіе дубы, липы и хвойныя деревья между каменными постройками наполняютъ островъ, имѣющій въ окружности до

семи верстъ. Въ озерѣ бываетъ громадный ловъ снѣдковъ. Богомольцевъ всегда много, и монастырь на свой счетъ кормитъ ихъ въ продолженіе трехъ дней каждаго.

Возвращаясь чрезъ городъ Осташковъ, намъ случилось остановиться среди неширокой улицы, и что же? по обѣ стороны вижу я невзрачные ряды деревянныхъ лавокъ, изъ которыхъ безпрестанно выбѣгаютъ мальчики - подростки съ метлами и лопатами, выгребаютъ изъ подъ ногъ нашихъ лошадей, запряженныхъ тройкой врядъ, разсыпавшіеся снѣдки, цѣлыя копны которыхъ сложены были передъ каждой лавченкой. Туда же вмѣстѣ со снѣгомъ и навозомъ пригребались и тѣ снѣдки, которые побывали среди улицы подъ проѣзжающими санями. Тутъ же увидѣла я собаку, вскочившую на одну изъ этихъ кучъ и по своему на ней распорядившуюся, а потому съ тѣхъ поръ не ѣмъ снѣтковъ. Ночевали мы въ деревнѣ Мологинѣ; крестьяне здѣсь чистые Тверитяне. Избы большія, просторныя, съ окнами на обѣ стороны. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается скотъ, а хозяева живутъ во второмъ. Наша хозяйка принесла большую чистую простыню съ пришитыми къ ея краю петлями и отгородила для насъ половину комнаты. Мы выѣхали изъ Мологина на другой день довольно поздно и какъ намъ посовѣтовали ѣхать ближнимъ проселкомъ, то съ наступленіемъ ночи мы долго плутали въ большомъ глухомъ лѣсу, пока наконецъ выѣхали на завидѣнный огонекъ и по высокому сугробу очутились всей тройкой на крышѣ невысокой избы. Къ счастью лошади, уже измученныя тяжелой, длинной дорогой, сами остановились; иначе мы бы полетѣли внизъ головой, потому что изба была занесена снѣгомъ лишь съ одной стороны. Въ противуположность нашему свѣтлому, чистому ночлегу въ Мологинѣ, мы на этотъ разъ должны были довольствоваться избой очень грязной и тѣсной, такъ что нѣкоторыя изъ насъ предпочли ночевать въ нашихъ дорожныхъ кибиткахъ закутавшись въ шубы. Для отысканія пути, съ котораго мы сбились, наняли провожатаго и къ Масляной вернулись домой.—Съ наступленіемъ поста по случаю траура я не занималась музыкой и очень жалѣла, что не развила въ себѣ природную склонность къ живописи. Старшія сестры въ свое время брали уроки рисованія и часто занимались этимъ искусствомъ, красками, акварелью и чернымъ Итальянскимъ карандашемъ. Тогда въ употребленіи былъ рисунокъ пунктиромъ, что̀ гораздо труднѣе и копотливѣе нынѣшняго, штрихами. Но меня не учили рисованію, и я составляла рисунки букетовъ самоучкой.

Около этого времени умеръ у генерала Голубцова его старшій братъ, служившій при дворѣ, котораго единственная дочь, вышедшая за Саксонскаго посланника Гогенлое-Кильбергъ, умерла еще ранѣе

отца своего; потому нашъ сосѣдъ Голубцовъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ брата. Въ числѣ полученныхъ имъ вещей было нѣсколько примѣчательныхъ по оригинальности или художественности. Такъ я помню красивую раму, въ которой вставленъ былъ вензель императрицы Екатерины II-ой, прекрасно сдѣланный изъ искусно подобранныхъ насѣкомыхъ, бабочекъ, жучковъ. Было нѣсколько картинъ изъ раковинъ; особенно заинтересовало насъ фортепьяно въ видѣ небольшаго комода или бюро съ инкрустаціями, семью педалями и разными украшеніями. Долго никто не умѣлъ его настроить. Первую минуту сочли было этотъ инструментъ за бюро съ секретнымъ замкомъ. Его отворилъ и настроилъ Финогенъ, въ то время еще продолжавшій давать уроки музыки. Семь педалей этого инструмента соотвѣтствовали тону арфы, колокольчиковъ, гитары, флейты и проч. Въ числѣ туалетныхъ вещей выдѣлялся стариннаго Французскаго покроя кафтанъ, прошлаго вѣка, изъ синяго бархата съ широкой каймой, вышитой кованнымъ золотомъ и съ крупными алмазными пуговицами по обѣимъ поламъ. Этотъ кафтанъ былъ такъ широкъ, что изъ него скроена впослѣдствіи роскошная священническая риза, а оплечья къ ней сшиты изъ большаго, глазетоваго жилета къ тому же кафтану. Помню костюмъ Китаянки: нижняя юбка длинная изъ желтаго атласа съ тюникой изъ чернаго крепа, шитаго блестками съ широкой серебряной каймой, такимъ же поясомъ и большими серебряными кистями; бѣлые, длинные, атласные рукава до ногтей съ запястьями изъ алмазовъ, а сверху преширокіе вышитые блестками же черные креповые рукава, длинные, совсѣмъ не сшитые, а только вшитые на верху; башмаки красные съ длинными загнутыми кверху концами. Дополненіе къ костюму составляла красная, въ видѣ ермолки, бархатная шапочка съ золотымъ снуркомъ вокругъ и такою же длинною кистью. Тутъ же были длинный завитой мундштукъ съ фарфоровой росписной въ Китайскомъ вкусѣ трубочкой и довольно большая подушка голубаго бархата, обшитая толстымъ золотымъ снуркомъ съ кистями. На Святкахъ въ этотъ костюмъ нарядилась немолодая уже дѣвица Панова, жившая въ домѣ Голубцовыхъ въ качествѣ гувернантки воспитанницъ. Панова, по обычаю того времени, носила длинные локоны tire-bouchon, совсѣмъ скрывавшіе ея нѣсколько косые глаза. Надѣвъ костюмъ, она подобрала волосы подъ шапочку и, положивъ голубую подушку посреди залы, усѣлась на нее съ мундштукомъ. Присутствовавшіе офицеры и молодые люди, совсѣмъ забывъ о существованіи въ домѣ гувернантки, обступили ее, заинтересованные неизвѣстнымъ, какъ имъ казалось, лицомъ. Они нашли, что даже глаза настоящіе Китайскіе, раскосые, не зная того, что и въ дѣйствительности Панова косà. На эти Святки

нашъ домашній живописецъ Илья смастерилъ до двадцати черныхъ полумасокъ съ чернымъ крепомъ въ нижней половинѣ. Я была въ моемъ любимомъ Русскомъ сарафанѣ изъ краснаго атласа съ золотымъ позументомъ, въ рубашкѣ изъ бѣлой кисеи, тонкой и плотной, «трико», какой теперь уже не найти, въ кокошникѣ изъ золотой бумаги съ длинной косой, заканчивавшейся широкой голубой лентой. Подъ пару мнѣ была одѣта Лиза, въ голубомъ сарафанѣ. Вся наша компанія, то есть Голубцовы, Николевы, Римскіе-Корсаковы, Энгельгартъ, составлявшіе какъ бы beau-monde нашего края, были приглашены никогда въ наше общество не ѣздившимъ помѣщикомъ Иваномъ Михайловичемъ Гедеоновымъ, жившимъ отъ насъ верстахъ въ 15, того же уѣзда, въ сельцѣ Гористовѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Соколинской, Марьѣ Богдановнѣ, женщинѣ больной и такой тихой, что ее въ домѣ и не слышно было. Всѣмъ домомъ, кромѣ самого хозяина, заправляла гувернантка единственной дочери Гедеоновыхъ, Варвара Ѳоминична Жутъ, жена танцмейстера, переучившаго танцамъ половину губерніи, больше Русской пляскѣ, казачку, горлинкѣ, гросфатеру, матрадуру, котильону, экосезу, круглому Польскому и вальсу. Вотъ почти всѣ въ то время принятые танцы, въ провинціи. По спеціальности мужа, жена его, которой иногда приходилось разбирать на нотахъ нѣсколько Французскихъ и Итальянскихъ словъ, пріобрѣла нѣкоторыя, хотя и ограниченныя, познанія и объявила себя учительницей иностранныхъ языковъ, почему получала хорошее содержаніе отъ помѣщика. Гедеоновъ поддерживалъ больше сношенія съ дворянами второразрядными, которые хотя могли быть и хорошими людьми, но до душевныхъ качествъ что̀ за дѣло обществу? Оно требуетъ хорошаго воспитанія, выдержки, свѣтской любезности, а этого-то и не доставало у тогдашнихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Въ то время, въ двадцатыхъ годахъ, большею частью люди ограниченныхъ средствъ довольствовались въ дѣлѣ образованія дочерей одними элементарными познаніями. Иныя и читали-то только по Псалтырю и Часослову. Мальчиковъ еще приготовляли къ службѣ, хотя бы гражданской (писаремъ, столоначальникомъ), а дѣвочкамъ на что̀ нужна наука? Умѣла бы хозяйничать да сшить себѣ рубашку. Прясть и ткать если которая мать и позволяла дочери, то подъ большимъ секретомъ: это считалось неприличнымъ для дворянки. По праздникамъ обыкновенно собирались у сосѣда побогаче, гдѣ устраивались танцы подъ разбитое фортепьяно, у котораго часто не доставало и клавишей, но присутствіе котораго считалось необходимымъ въ мало-мальски приличномъ домѣ. Подъ его дребезжащіе звуки пѣлись чувствительные романсы,

напр. «Я въ пустыню удаляюсь», и другіе. Въ каждомъ домѣ непремѣнно долженъ былъ быть кабинетъ хозяина, хотя бы онъ былъ занятъ единственно мѣшками съ образцами сельскихъ продуктовъ да домашними счетами, а у хозяйки полагалось быть уборной. У Гедеоновыхъ насъ усадили за длинный обѣденный столъ. Въ числѣ многихъ винъ, которыхъ, по разсчетливости хозяина, было каждаго по немногу, подали, по словамъ прислуживавшаго лакея, шатай-маргай, это оказалось: шато-марго и, наконецъ, сливникъ. Такъ какъ вина вообще показались намъ плохи, и мы предполагали подъ именемъ сливника наливку изъ сливъ, нами очень любимую, то каждый желаетъ его пить, но, попробовавъ, дѣлаетъ гримасу; оказалось, что это смѣсь остатковъ отъ прежнихъ угощеній винами и наливками! Я, какъ младшая, а потому болѣе подходящая по возрасту къ лѣтамъ дѣвицы Гедеоновой, получила и особое угощеніе. Это были сдѣланные изъ сахара грибки, бѣлые, черные, рыжики, окрашенные краснымъ сандаломъ и другими красками, такъ что ѣсть ихъ было невозможно. Не смотря на опасную болѣзнь хозяйки дома, вовсе не выходившей къ гостямъ, послѣ обѣда всѣ пошли костюмироваться по отдѣльнымъ комнатамъ. Танцы были подъ Жидовскую музыку, откуда-то добытую Гедеоновымъ; главную роль играли цимбалы и скрипка. Изъ кавалеровъ, военные не имѣли тогда права костюмироваться; Аракчеевская строгость была еще въ полной силѣ; позволялось только набрасывать на одно плечо небольшое домино.

Вскорѣ, въ 1828—1830 году, началась война съ Турками, и почти въ тоже время первая ужасная холера, которую еще совсѣмъ не умѣли лѣчить. Въ артиллеріи, стоявшей нѣкоторое время въ нашей губерніи, были премилые люди, нѣкоторые еще очень юные, только что выпущенные изъ корпуса. Одинъ изъ нихъ Сентенинъ хорошо декламировалъ «Думы» Рылѣева; наивный Ванда, уѣзжая изъ Ельни, заливался слезами, уходя прямо на войну. И всѣхъ ихъ побили Турки! Намъ ихъ очень было жаль. Холера въ свою очередь унесла многихъ. А не задолго до того, при воцареніи Николая Павловича, множество арестовъ тяжело отозвались на многихъ семействахъ въ Смоленской губерніи. Якушкина, Швейковскаго, Каховскаго я видѣла ранѣе у Пасека въ Крашневѣ; теперь они были замѣшаны въ возмущеніи и пострадали. Все это производило на насъ тяжелое впечатлѣніе.

По усмиреніи бунта Государь дѣлалъ большой смотръ войскамъ подъ Вязьмой. Смотръ долженъ былъ напоминать бывшее тамъ въ 1812-мъ году сраженіе. Двоюродный братъ нашъ Иванъ Юрьевичъ Николевъ былъ въ то время бригаднымъ генераломъ и со своими полками Невскимъ и Софійскимъ, долженъ былъ участвовать въ маневрахъ,

Онъ заѣхалъ къ намъ съ двумя своими сыновьями, обоими еще юнкерами, и адъютантомъ Умановымъ, влюбленнымъ въ одну изъ дочерей генерала. Иванъ Юрьевичъ пригласилъ насъ пріѣхать смотрѣть маневры, для чего уступилъ отведенное для него просторное помѣщеніе, такъ какъ съѣздъ зрителей смотра былъ такъ великъ, что небольшой сравнительно городъ Вязьма былъ переполненъ. У Ивана Юрьевича была большая палатка, въ которой онъ и жилъ, особая адъютантская и премиленькій досчатый домикъ позади палатки, весь наполненный горшками цвѣтовъ, которыхъ онъ былъ большой любитель. Не помню сколько дней мы пробыли въ Вязьмѣ, но всякій день встрѣчали зорю въ лагерѣ у нашего роднаго. Мнѣ очень нравился гимнъ «Коль славенъ», и казалась забавной слѣдовавшая затѣмъ перекличка солдатъ, когда цѣлые полчаса на разныхъ голосахъ слышишь: я, я, я! Насталъ день смотра; съ ранняго утра потянулись полки мимо нашихъ оконъ, сплошь наполняя неширокую улицу. Еще въ постелѣ мы заслышали гулъ и топотъ тысячъ ногъ. Иные, проходя у самыхъ нашихъ оконъ, постучатъ въ запертые ставни, а когда мы ихъ отворимъ, то приходилось отвертываться отъ окна: такъ сильно блестѣли въ лучахъ восходящаго солнца безпрестано смѣняющіеся ряды ружейныхъ стволовъ и штыковъ. Какой-то солдатикъ попросилъ испить водицы. Эта живая рѣка протекала нѣсколько часовъ, и мы уже успѣли напиться чаю, когда пріѣхалъ за нами Иванъ Юрьевичъ, говоря, что пора ѣхать. Я надѣла дамскую шинельку, которыя тогда были въ модѣ, изъ легкой шерстяной матеріи, и соломенную шляпу съ ландышами. Дороги спрашивать не надо было: стоило только двигаться вслѣдъ за толпою, бѣжавшею за городъ на обширную ровную мѣстность. Мы вышли изъ экипажа и вмѣшались въ толпу, уже обступившую канатъ, сдерживавшій народъ. Тутъ разставлены были желонерами солдаты, не вдалекѣ другъ отъ друга. Но вотъ все утихло. Завидѣли Государя и великаго князя Михаила верхами, а за ними генералитетъ, впереди котораго ѣхалъ фельдмаршалъ Сакенъ, покрывъ собою всю свою маленькую лошадь, которую ему нарочно выбирали пониже, потому что Сакенъ былъ уже очень старъ, толстъ и обрюзгъ. Его треуголка совсѣмъ лежала на плечахъ, такъ что эполеты были съ ней на одномъ уровнѣ. Я замѣтила, что онъ весьма мало принималъ участія въ смотрѣ, а сдѣлавъ руку козырькомъ надъ глазами, чтобъ не мѣшало солнце, повернулся на лошади бокомъ, лицомъ къ дамамъ, стоявшимъ у каната, тихо проѣхалъ мимо, разглядывая насъ и нѣкоторымъ говоря: «Bonjour, madame», вѣроятно тѣмъ, которыя ему больше нравились. Чтобъ докончить рѣчь о Сакенѣ, прибавлю, что онъ такъ утомился во время смотра, что по окончаніи не могъ доѣхать до квартиры: его сняли

съ лошади и, разославъ коверъ у самой дороги, по которой двигался народъ обратно, сложили старика, который и заснулъ, не смотря на шумъ и топотъ кругомъ. Около него сталъ караулъ и не позволялъ экипажамъ ѣхать слишкомъ скоро. Я съ нѣкоторыми мнѣ мало знакомыми дамами стала такъ удачно, что весь генералитетъ былъ вблизи; Государь на гнѣдомъ конѣ былъ въ двухъ шагахъ, а великій князь такъ близко, что хвостъ его лошади былъ рядомъ съ моей шляпой. Каната съ пріѣздомъ Царя уже не было; его затопталъ народъ. Наконецъ слышу крикъ: «Подать назадъ, а шляпки оставить», подразумѣвая подъ шляпками дамъ. Намъ стало свободнѣе, хотя народъ и не далеко оттѣснили. Я залюбовалась красотой войска. И напрасно считаютъ пѣхоту какъ-бы ниже другихъ его частей. Когда она идетъ громадной волной въ ногу, въ тактъ, кажется, земля дышетъ. За пѣхотою шла конница, каждая часть на лошадяхъ особой масти, затѣмъ артиллерія. Все это выстраивалось передъ Государемъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Близъ Царя, возлѣ его лошади, на самомъ солнечномъ припекѣ, стоялъ желонеръ; съ нимъ сдѣлалось дурно. Въ моихъ глазахъ онъ упалъ какъ снопъ, не шевельнувшись, какъ стоялъ. Въ туже секунду его унесли и поставили другаго. Я слышала, какъ великій князь спросилъ у Государя, который часъ? Государь вынулъ часы и громко сказалъ: «Втораго половина». Оказалось, мы пробыли уже болѣе трехъ часовъ на одномъ мѣстѣ. Дама, стоявшая подлѣ меня, спросила у меня, хорошо ли я вижу; я ей говорю, что вижу все, но нѣсколько боюсь близости лошади великаго князя. Я нарочно отвѣчала громко, разсчитывая, что услышатъ, и на самомъ дѣлѣ такъ было. Великій князь взглянулъ на меня и немного отъѣхалъ. Такое вниманіе меня восхитило, и я его полюбила за это. Когда кончились маневры, я стала отыскивать своихъ, которыхъ потеряла еще въ началѣ смотра и, найдя ихъ, пошла съ ними къ нашей каретѣ чрезъ почти опустѣвшее поле. Впереди насъ шла подъ руку съ мущиной какая-то очень расфранченная дама. Ея пестрое шелковое платье было отдѣлано газовыми буфами arc-en-ciel, самыми тогда модными. Вдругъ проскакалъ офицеръ очень быстро и такъ близко, что лошадь его зацѣпила ногою за буфы этой дамы, дернула, и дама упала подъ лошадь. Умное животное остановилось какъ вкопанное, а офицеръ такъ растерялся, что сталъ кричать: «доктора, доктора!» Даму безчувственную, наконецъ, унесли, а онъ ускакалъ далѣе. На завтра мы ходили къ обѣднѣ въ полковую церковь, близъ которой стояла палатка Государя, а вечеромъ гуляли по городу съ Бунаковыми и повстрѣчали нашего знакомаго генерала Оленина, очень милаго человѣка, совсѣмъ не предъявлявшаго никому своего генеральства. Въ Вязьмѣ же мы встрѣтились съ полковникомъ Слат-

винскимъ (которому очень нравилась покойная сестра Татьяна, и онъ долго грустилъ по ней) и съ артиллерійскимъ полковникомъ Лизандеормъ, который ухаживалъ тогда за сестрой Екатериной, (это ухаживанье ничѣмъ не кончилось). Квартира великаго князя выходила окнами и крыльцомъ на площадь. Здѣсь поставлены были, въ почетный караулъ, два сына Ивана Юрьевича. Великій князь, подъѣхавъ, поздравилъ ихъ обоихъ офицерами. Наши юноши съ радости такъ загулялись на другой день, что опоздали въ лагерь и когда пробили зорю, они, не зная лозунга-пароля, развернули зонтики, покрыли ими головы и стремглавъ побѣжали чрезъ цѣпь. Часовые кричатъ: «кто идетъ, стой!», а они въ отвѣтъ: «грибки изъ лѣса»; ихъ узнали по голосу, и все сошло благополучно. Иванъ Юрьевичъ, отецъ ихъ, былъ веселаго нрава и также иногда любилъ пошалить. Приглашенный на парадный обѣдъ, онъ явился къ намъ показать себя въ полномъ парадѣ, затянутый въ шарфъ при всѣхъ орденахъ и двухъ звѣздахъ, а отъ насъ, вмѣсто того чтобы спѣшить на обѣдъ, отправился накупать конфетъ и снова вернулся угощать насъ, такъ что опоздалъ и долженъ былъ помѣститься на концѣ стола между адъютантами.

Изъ пребыванія нашего въ Вязьмѣ осталась въ памяти моей выдѣлка воска. Теперь вѣроятно круги воска выдѣлываются машиной, но тогда машинъ совсѣмъ почти не знали. Близъ квартиры нашей выкопана была глубокая яма со вставленнымъ въ нее чаномъ. По обѣ стороны вкопаны два столба съ перекладиной, черезъ которую перекинута веревка съ навѣшаннымъ на ней дубовымъ чурбаномъ, аршинъ въ поперечникѣ и аршина полтора въ длину; этотъ молотъ долженъ былъ вколачивать клинья въ станокъ, наполненный воскомъ, и тѣмъ придавать ему форму круга, выдавливая при этомъ остатки меда. На чурбанъ-молотъ, съ этой цѣлью, ложился молодой работникъ, всѣмъ корпусомъ раскачивая его, такъ что молотъ, ударяя въ прессъ, отскакивалъ отъ него назадъ и увлекалъ собою рабочаго. Работа чрезвычайно тяжелая, которая должна была сильно отзываться на здоровьи, по тому сотрясенію, какое получали нервы и мозгъ рабочаго.—Возвратясь домой, мы нашли уже ранѣе насъ туда пріѣхавшаго Ивана Юрьевича съ сыновьями и адъютантомъ. Скоро съѣхались сосѣдки-дѣвицы и устроились танцы. Стали практиковаться въ новомодной Французской кадрили, которой многіе еще совсѣмъ не знали. Одного кавалера недоставало. Тутъ вошелъ квартировавшій въ одной изъ нашихъ деревень капитанъ Руцкій, въ полной формѣ, въ киверѣ въ видѣ ведра (отъ чего казался еще громаднѣе ростомъ), такъ что полуаршинный султанъ его едва не касался потолка. Вытянувшись по всѣмъ правиламъ, предсталъ онъ предъ генераломъ; тотъ машетъ ему,

не надо, не надо, снимайте лучше лишнюю аммуницію и становитесь въ кадриль; но Руцкій никогда ничего не танцуетъ. Человѣкъ очень серьезный, мы и улыбки его никогда не видали. Не обращая вниманія на его печальное лицо, бывшіе юнкера подхватили его за обѣ руки и поставили со мною въ пару учить кадрили. Одинъ тащитъ его направо, другой налѣво, впередъ, назадъ; Руцкій смѣется, ничего не понимая. По окончаніи кадрили, онъ объявилъ, что отъ непривычки къ смѣху у него заболѣли челюсти.

На слѣдующее лѣто, сосѣдка наша Римская-Корсакова, собираясь съ семействомъ въ сосѣдній городъ Дорогобужъ (гдѣ бывала большая, большею частью конная ярмарка, въ продолженіи недѣли, начинавшаяся 29-го Іюня и называвшаяся «Свѣтлою»), пригласила меня и сестру Елену, какъ младшихъ, ѣхать съ семьей. Матушка ничего не имѣла противъ, и мы поѣхали. Всѣ танцы и удовольствія этой ярмарки обыкновенно зависѣли отъ предводителя. Если онъ самъ дансёръ, молодъ, любезенъ, то и редуты оживлены и многолюдны, особенно когда въ городѣ квартируетъ полкъ или часть артилеріи. На этотъ разъ предводителемъ Дорогобужскаго уѣзда былъ Яковъ Андреевичъ Реадъ, человѣкъ порядочно образованный, любившій повеселиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ игрокъ и дуэлистъ. Въ этомъ отношеніи о немъ носились темные слухи... Въ окрестностяхъ Дорогобужа стояла артилерія, а къ «Свѣтлой» пріѣхалъ со своимъ штатомъ и Смоленскій губернаторъ Хмѣльницкій (пріобрѣтшій извѣстность какъ писатель), а потому редутъ вышелъ на славу. На балѣ мнѣ случилось сидѣть рядомъ съ Хмѣльницкимъ, большимъ любителемъ цвѣтовъ. Я знала, что онъ развелъ нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ на Смоленскомъ гуляньѣ, Облоньѣ, и роздалъ ихъ разнымъ дѣвицамъ подъ обработку. На мнѣ было мое любимое кофейнаго цвѣта платье, гроденапль-муаре, а на головѣ живая вѣтка пахучей туберозы. При каждомъ моемъ движеніи головой, Хмѣльницкому въ носъ ударитъ ея запахъ; а онъ никакъ не догадывался, гдѣ были цвѣты, и принимался оглядывать стѣны и окна, пока я ему не открыла секрета. Семейство Тулубьевыхъ, пріѣхавшее изъ Москвы и мало имѣвшее въ Дорогобужѣ знакомыхъ, объявило, что провинціальныя удовольствія не по нихъ, что не стоитъ и хлопотать принимать въ нихъ участіе, словомъ раскритиковало наши собранія и перестало на нимъ являться. Реадъ вломился въ амбицію и предложилъ мнѣ отомстить Тулубьевымъ, занявшимъ помѣщеніе какъ разъ напротивъ дома нашихъ собраній, окно въ окно. Месть должна была состоять изъ усиленныхъ танцевъ во всю ночь, что̀ намъ и удалось. Никогда не бывало такой бѣшеной мазурки, которую я танцовала съ Реадомъ въ первой парѣ. Мы придумывали самыя

оживленныя фигуры и кончили часа въ 4 утра, когда солнце уже всходило и огни погасили. Мы замѣтили, что vis-à-vis у Тулубьевыхъ свѣча, горѣвшая всю ночь, наконецъ, потухла; но мы рѣшили не давать имъ спать. Реадъ предложилъ круглый Польскій, и наша новая продѣлка продолжалась еще часа два, такъ что, вернувшись на квартиру, мы нашли нашу карету уже заложенною, и мы въ нее тотчасъ сѣли какъ были на балѣ, не снимая нарядовъ и цвѣтовъ, чтобы показаться матушкѣ. А какъ лѣтомъ въ каретѣ душно, намъ же предстояло ѣхать 35 верстъ до нашего села, то окна мы открыли; сами же утомленныя уснули и доѣхали въ облакѣ пыли, приведшей насъ въ жалкій видъ. Но мать очень осталась довольна оказаннымъ ей вниманіемъ.

Припоминаются мнѣ иные анекдоты, случившіеся на провинціальныхъ редутахъ и празднествахъ. Одинъ изъ нихъ я теперь разскажу.

Въ оно время я знала лично Евгенію Андреевну Глинку, мать многихъ дочерей и одного сына, знаменитаго Михаила Ивановича. Евгенія Андреевна праздновала день своего ангела наканунѣ Рождества Христова, когда соблюдается старинный обычай, а именно накладывается среди самой просторной комнаты небольшая копна сѣна, накрывается скатертью, и на ней ставятъ блюдо кутьи съ восковыми свѣчами, въ память рожденія Спасителя въ ясляхъ. Передъ кутьей служатъ всенощную, освящаютъ кутью и кушаютъ, поздравляя другъ друга съ наступившимъ праздникомъ. На этотъ разъ, какъ гостей собралось много, то послѣ всенощной устроились танцы, и разошлись спать поздно. Домъ Глинки каменный, большой, раздѣлялся во всю длину коридоромъ, въ который выходили всѣ двери комнатъ, расположенныхъ по обѣ стороны, при чемъ мужчинъ размѣстили по двое и по трое съ одной стороны, женщинъ такимъ же порядкомъ съ другой. Одна изъ пріѣзжихъ дѣвицъ, мало знакомая съ расположеніемъ дóма, заболѣла ночью довольно серьезно и вышла въ коридоръ, не желая стонами безпокоить сосѣдей. Походивъ по слабо освѣщенному коридору, она ошиблась стороной и вмѣсто лѣвой, гдѣ были дамскія комнаты, повернула на правую мужскую сторону; а какъ вездѣ было темно, расположеніе же внутренняго убранства почти одинаково, то она ощупью, добравшись до мѣста, гдѣ предполагала кровать, съ которой встала полчаса назадъ, бросилась на нее не раздѣваясь, и мгновенно заснула. Офицеръ, спавшій на той же кровати, прижавшись къ стѣнѣ, сразу проснулся, почувствовавъ, что кто-то упалъ съ нимъ рядомъ и нащупалъ женскую одежду. Онъ сперва растерялся, потомъ осторожно взглянулъ на сосѣдку и, спустя нѣсколько времени, разбудилъ ее, перепуганную и долго не могшую понять, чтò съ нею. Наконецъ, все было разъяснено, и она растерянная прокралась снова въ

коридоръ разыскивать свою комнату, у порога которой ее и нашли на утро безъ чувствъ, въ горячешномъ припадкѣ. Дѣло однако кончилось благополучно: честный молодой человѣкъ, видя, что, не смотря на всѣ его старанія, товарищи его по ночлегу замѣтили происшедшее и зная, что репутація невинной дѣвушки можетъ пострадать, объяснился съ ея родными и женился на ней.

Около того же времени заболѣла матушка. Она была сильно напугана воромъ, который залѣзъ въ окно комнаты, которую мы занимали на богатой свадьбѣ Мицкой, родственницы Бунаковыхъ, вышедшей за Шетохина. Было два оркестра военной музыки, много офицеровъ и сосѣдей-помѣщиковъ. У Мицкихъ былъ хорошій парикмахеръ, устроившій изъ моихъ густыхъ и длинныхъ волосъ затѣйливую, модную прическу съ небольшой райской птичкой въ видѣ украшенія. Много мнѣ потомъ потребовалось времени, чтобы привести свою косу въ прежній видъ.

И такъ мать моя, возвратясь со свадьбы Мицкой не совсѣмъ здоровой, приняла холодную ванну, послѣ чего серьезно заболѣла. Въ то время считали однимъ изъ лучшихъ и радикальныхъ средствъ открыть кровь, и дѣйствительно послѣ кровопусканія, на которое рѣшились на домашнемъ совѣтѣ, ей сдѣлалось лучше. Матушка жила послѣ того еще слишкомъ 20 лѣтъ и скончалась восьмидесяти лѣтъ, ежегодно, почти до глубокой старости, пуская себѣ кровь, около того же времени года, какъ и въ первый разъ.

Изъ офицеровъ, бывавшихъ у насъ въ то время, стоитъ упомянуть объ одномъ, походившемъ на Николая Павловича, по фамиліи Рубецъ. Сходствомъ этимъ онъ очень гордился. Въ Августѣ, преосвященный Іосифъ Смоленскій, объѣзжая епархію, былъ нами приглашенъ въ Покровское. Много по этому случаю наѣхало къ намъ духовенства и сосѣдей свѣтскихъ. Для встрѣчи отправили нашу карету и лошадей для подставы. Какъ завидѣли спускающійся экипажъ, зазвонили на колокольнѣ; но Ельнинскій благочинный, толстенькій, плѣшивый человѣчекъ, такъ растерялся, что будто оглохъ, и хотя пономарь усердно трезвонилъ, онъ продолжалъ кричать на него: «Звони, дуракъ, звони; звони, что̀ ты не звонишь!» Наконецъ архіерей подъѣхалъ къ церкви, окруженный толпой народа. Крестьяне говорили, что пришли «чудного попа глядѣть». Послѣ всенощной пилъ онъ у насъ чай и ночевалъ. Это былъ маленькій, худенькій старичокъ съ очень пріятнымъ лицомъ и чрезвычайно воздержной жизни. Хотя ему былъ приготовленъ обыкновенный матрацъ съ кожаной подушкой, но онъ не легъ на него, а спалъ на полу, на разостланномъ въ одинъ только рядъ коврѣ. Съ вечера онъ ничего не кушалъ, готовясь служить обѣдню, а на

завтра, въ праздникъ Преображенія, не пилъ чаю, ожидая благовѣста, и, сидя у открытаго окна, бросалъ мальчикамъ, пѣвчимъ своего хора, персики, принесенные ему въ подарокъ кѣмъ-то изъ сосѣдей, и весело смѣялся, когда, стараясь поймать ихъ побольше, мальчики топтали ихъ и давили. Погода была хорошая, и видъ освѣщенной, переполненной церкви торжественъ. Предъ окончаніемъ службы, я, на которой лежала обязанность разливанія чая, поспѣшила домой. Только что распорядилась я самоваромъ, какъ вдругъ вижу въ окно ѣдущую отъ церкви карету и торопливо говорю слугѣ: «Скорѣй иди, видишь архіерей ѣдетъ», и вдругъ оборачиваюсь и сталкиваюсь съ самимъ архіереемъ, пріѣхавшимъ на дрожкахъ прежде кареты. Онъ вошелъ такъ тихо, что я не слыхала, и говоритъ: «А вотъ архіерей и пріѣхалъ», и смѣется, что я сконфузилась и не подхожу подъ благословеніе, а, остановившись среди комнаты, дѣлаю ему почтительный реверансъ. Онъ самъ подошелъ ко мнѣ и благословилъ, говоря: «Видно, молодая хозяюшка хлопочетъ насъ поить чаемъ». Тогда только я опомнилась и хотѣла поцѣловать его руку, но онъ (не вѣрите, а я говорю правду), не далъ мнѣ своей руки, а поцѣловалъ мою. За двумя самоварами я наливала чай до самаго почти обѣда, болѣе сотни стакановъ. Обѣдъ былъ рыбный, на 50 кувертовъ, и то не всѣмъ еще достало мѣста. Повара наши отличились.

На завтра всѣ отправились къ Голубцовымъ, гдѣ случилось забавное приключеніе. Римская-Корсакова, носившая короткіе волосы, надѣла чепчикъ съ широкими лопастями и при томъ на каркасѣ. Погода была хорошая, всѣ окна отворены, сквозной вѣтеръ подхватилъ плохо державшійся на головѣ чепецъ и, катя его по полу, подкатилъ къ ногамъ архіерея; за чепцомъ бѣжитъ его владѣтельница въ широкомъ ситцевомъ платьѣ, которое вѣтеръ раздулъ кругомъ ея въ видѣ шара; она нагнулась стремительно къ ногамъ ничего не понимающаго, испуганнаго архіерея, ловя чепецъ, въ то время, какъ онъ отсторонялся и махалъ руками: «Не надо, не надо!»

Въ скорости, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ ѣхалъ за границу, какъ говорили, для выбора невѣсты и проѣздомъ былъ въ Смоленскѣ, куда мы для этого случая и поѣхали. Дворянство давало балъ и иллюминацію довольно плохую (такъ какъ она была какъ-то скучена, занимая лишь небольшое пространство, остальной же городъ оставался въ мракѣ, только кое-гдѣ горѣли плошки). Даже домъ дворянскаго собранія, занимаемый Цесаревичемъ, былъ плохо освѣщенъ Погода была лѣтняя, очень хорошая. Въ часъ встрѣчи, все пространство вокругъ собора было такъ густо покрыто народомъ, что яблоку негдѣ было упасть. Многочисленное дамское общество разсѣ-

лось по ступенямъ высокаго церковнаго крыльца около балюстрады а мущины съ губернаторомъ во главѣ ближе къ серединѣ, покрытой краснымъ сукномъ для прохода Цесаревича. Но вотъ онъ подъѣхалъ; все зашевелилось, вскочило... Онъ сталъ всходить, не глядя повидимому ни на кого; но вдругъ я увидѣла, что онъ приподнялъ руку, не останавливаясь и медленно всходя по ступенямъ. Оказалось, онъ повидимому замѣтилъ, что какой-то зѣвака забылъ снять шляпу. Въ слѣдующую минуту этого господина не стало: точно сквозь землю провалился. (Я узнала послѣ, что его посадили на гауптвахту). На утро, мы видали изъ окна, какъ Цесаревичъ со свитой, въ числѣ которой былъ извѣстный Василій Андреевичъ Жуковскій, ѣздилъ осматривать что̀ это за городъ. Узнавъ, что онъ будетъ въ церкви Смоленской Божіей Матери, что̀ на воротахъ, мы отправились туда. Здѣсь выставлены были шлемъ и сандаліи мученика Меркурія, Смоленскаго чудотворца. Нужно сказать, что еще наканунѣ въ соборѣ Наслѣдникъ пожелалъ видѣть шлемъ, латы и сандаліи эти; оказалось, что никто не вздумалъ приготовить ихъ и даже разыскать, начиная съ архіерея Тимоѳея, заступившаго мѣсто Іосифа (который въ то время уже удалился на покой въ Кіевъ, гдѣ и скончался). И такъ, по заявленному Цесаревичемъ желанію, въ туже ночь отысканы были шлемъ и сандаліи святаго въ какой-то кладовой, заплесневелые, въ жалкомъ видѣ, а латъ такъ и не нашли. Наслѣдникъ, войдя въ церковь Смоленской Одигитріи, подошелъ къ столу, поставленному среди церкви и покрытому парчой съ разложенными на ней священными предметами, положилъ земной поклонъ, приложился къ нимъ, осмотрѣлъ и вскорѣ уѣхалъ. Съ тѣхъ-то поръ шлемъ и сандаліи эти находятся на виду въ соборѣ въ углубленіи стѣны близъ алтаря. Шлемъ желѣзный, очень плохой работы, съ застежкой подъ бороду. Сандаліи тоже желѣзные, большіе, тяжелые, въ родѣ лаптей, застегиваются спереди металическимъ же перехватомъ. Въ исторіи города Смоленска говорится, что было два святыхъ Меркурія; былъ одинъ монахъ. Его мощи во время нашествія иноплеменныхъ были такъ усердно куда-то спрятаны, что всѣ забыли, гдѣ онѣ, тогда какъ до 1812-го года онѣ находились въ монастырѣ Св. Авраамія въ Смоленскѣ, вмѣстѣ съ мощами Авраамія, которыя также пропали безъ вѣсти. Тотъ же св. Меркурій, шлемъ и сандаліи котораго я видѣла, былъ воинъ. По велѣнію Богородицы онъ одинъ выступилъ противъ шайки Татаръ близъ деревни Долгомостье, которая и теперь существуетъ близъ Смоленска.

Балъ удался какъ нельзя лучше. Я не была на немъ; но сестры мои поѣхали, а съ ними и короткая пріятельница ихъ, нѣсколько времени въ дѣтствѣ жившая и учившаяся съ ними въ Покровскомъ,

Амболевская, которой родной братъ, артиллерійскій генералъ Ганичевъ, любимецъ великаго князя Михаила Павловича, женился на очень богатой, четырнадцатилѣтней дѣвицѣ Вадковской. Когда Ганичевъ, прося позволенія у Михаила Павловича жениться, сказалъ ея годы и предложилъ великому князю взглянуть на невѣсту, чтобы судить, можно ли ее назвать малолѣтней, то великій князь, увидя ее, нашелъ, что она развита вполнѣ: до такой степени Вадковская была толста и мужественна; чтобы пройти въ двери, ей надо было растворить обѣ половины дверей. На платье ей покупалась цѣлая штука матеріи, а съ лѣтами она сдѣлалась такъ уродливо-толста, что избѣгала показываться въ общество.

Цесаревичу избрана была одна почетная особа для танцевъ, не болѣе, потому что губернаторъ Хмѣльницкій былъ человѣкъ безсемейный, такъ же какъ и комендатъ Кернъ, имѣвшій только одну дочь, жившую въ Петербургѣ. Но, протанцовавъ одну кадриль, Цесаревичъ заявилъ желаніе танцовать еще, а такъ какъ распорядители бала находились въ затрудненіи, то онъ, примѣтивъ на одной молодой особѣ шифръ Смольнаго института, самъ подошелъ къ ней и ангажировалъ. Эта счастливица была дочь поручика Мицкаго, Анна Ѳедоровна.

По возвращеніи домой, жизнь наша вошла въ обычную колею, и мы проводили время довольно пріятно, хотя нѣсколько однообразно.

Полевыми работами завѣдывалъ старшій братъ, какъ глава семьи. Второй братъ Алексѣй, сильно контуженный въ голову, жилъ на отдѣльной половинѣ, во второмъ этажѣ дома, никуда изъ своихъ комнатъ не выходилъ, занимаясь чтеніемъ или вышиваніемъ въ пяльцахъ шерстями. Третій братъ Яковъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ его сынъ Николай учился въ Кадетскомъ корпусѣ, а дочь въ Смольномъ. Этотъ племянникъ считался семьей за единственнаго наслѣдника, и два старшіе брата мои, равно какъ и старшія сестры, положили не жениться и не выходить замужъ, чтобы не дробить имѣнія, съ котораго доходу получалось до 30.000 р., такъ какъ оно было хорошо устроено и поддержано; только уплата по залогу подкашивала наши средства. Всѣ обиходныя вещи, по возможности производились домашними средствами, начиная съ холста и нитокъ до башмаковъ: у насъ былъ свой кожевенный заводъ. Сукно для прислуги ткали дома, шубы они имѣли изъ выдѣланныхъ дома же овчинъ; свѣчи тоже своей выдѣлки. Цѣлый отдѣльный флигель былъ занятъ столярами и плотниками. Мебель дѣлали у насъ очень недурную по рисункамъ изъ наклейнаго краснаго дерева, которое тогда было въ большомъ употребленіи и очень цѣнилось. Были и рѣзчики, и каменщики, кузнецы и шорники, всѣ выбранные изъ своихъ же крестьянъ и если у котораго либо оказывалась

способность къ какому либо мастерству, его отдавали совершенствоваться въ какой-нибудь хорошій магазинъ въ Москвѣ. Изъ трехъ фруктовыхъ садовъ нашихъ мы оставляли себѣ одинъ, а оба другіе сдавали въ аренду мѣщанамъ сосѣднихъ городовъ. Плодовъ всякаго сорта было всегда въ изобиліи. Яблоки, груши, сливы, соленыя, вареныя, моченыя и свѣжія, длились во всю зиму, не смотря на то, что не болѣе двухъ дней въ недѣлю у насъ не садились гости за обѣдъ. Въ семейные праздники пріѣзжихъ лошадей бывало до семидесяти; ихъ конечно приходилось кормить, овсомъ и сѣномъ, такъ какъ многіе пріѣзжали верстъ за 30—40. Прислуги наѣзжало посторонней полная застольная. Хотя въ такіе дни чухонскаго масла отпускали поварамъ къ обѣду не менѣе полупуда, а въ обыкновенное время до пуда ежемѣсячно, но мы никогда масла не покупали и рѣдкій годъ не продавали его цѣлыми кадками; ягодъ же бывала такая пропасть, что не знаешь что съ ними и дѣлать. Когда бывало поспѣетъ малина, то надоѣвшую уже клубнику обираютъ дворовые для себя, сушатъ ее или варятъ варенье, а все таки въ лѣтніе знойные вечера по всему двору пахнетъ зрѣлой клубникой, и послѣднія запоздавшія ягоды такъ и засохнутъ на грядахъ. Мальчикамъ изъ дворовыхъ приказано было бѣгать между кустарниковъ и деревьевъ съ трещотками, отгонять воробьевъ, при чемъ они такъ наѣдятся, что желудки у нихъ разстроятся, и приходится ихъ лѣчить. Оранжерея была порядочная, но могла бы быть гораздо лучше; два садовника не особенно усердно за нею смотрѣли, хотя было достаточно абрикосовъ, бергамотъ, особенно розовыхъ черешенъ, которыхъ деревья были такъ высоки, что безъ подставной лѣстницы нельзя было достать до кроны. Осенью на всѣхъ трехъ гумнахъ шла молотьба, и мы любили, набравъ корзины яблокъ, раздавать ихъ бабамъ и парнямъ, насыпая имъ въ шапки и платки; за то и насъ эти бабы любили и долго спустя, когда по кончинѣ матушки и братьевъ, Покровское было продано, насъ очень жалѣли въ одно время съ нами состарѣвшіеся крестьяне. Хотя Смоленская губернія считается бѣдною, но я не могу сказать, чтобы крестьяне наши очень нуждались. Отецъ и братъ мой всегда говорили, что первое ихъ желаніе видѣть своихъ мужиковъ въ сапогахъ, а не въ лаптяхъ. Конечно, сообразно понятіямъ того времени, бывали и тѣлесныя наказанія, но лишь какъ исключенія и въ рѣдкихъ случаяхъ; притомъ они совершались большею частію негласно, то-есть знали о рѣшеніи подвергнуть провинившагося розгамъ лишь братъ, староста и та деревня или хуторъ, гдѣ жилъ виноватый. До насъ же это не доходило.

Во время поѣздокъ по зимамъ въ Смоленскъ, для выѣздовъ съ семействомъ Энгельгартовъ, мы нашли родственника въ лицѣ князя

Николая Николаев. Хованскаго (по бабкѣ нашей Марьѣ Ивановнѣ Толстой) и были приглашены бывать въ его домѣ, куда принимались люди избраннаго въ губерніи круга. Бывали мы также у богатой барыни Шупинской, въ первомъ замужествѣ тоже Энгельгартъ. Подругой нашей по выѣздамъ была дочь нашей хозяйки, Марія Григорьевна Тиленъ, мужъ которой, Нѣмецкаго происхожденія, былъ добрякъ и весельчакъ, впослѣдствіи генералъ Ѳедоръ Евстафьевичъ. Съ нами же выѣзжала и Надежда Павловна Жегалова, отецъ которой, старикъ почтенный, но съ большими странностями, ко всякому слову прибавлялъ: *съ*, и на сколько дочь его была неумѣренно полна, на столько онъ былъ худъ, съ длинной шеей и въ длинномъ фракѣ. Онъ не разставался съ большой пенковой трубкой, привѣшенной у него къ шеѣ, при чемъ тутъ же болтались въ видѣ украшенія двѣ большія кисти.

Въ Новый годъ дворянство на балѣ принимало въ домѣ собранія купечество и лицъ другихъ сословій, при чемъ многіе были закостюмированы, какъ напримѣръ три сестры Лярскія, которыхъ обычный костюмъ былъ извѣстенъ; онъ назывался летучая мышь и состоялъ изъ большой шали, завязанной назади такъ, чтобы концы не расходились, на головѣ изъ нея же образуются уши или рожки и прикрываютъ лицо, такъ что видны только носъ и глаза. У Лярскихъ были шали синяя, желтая и бѣлая, и всякій зналъ, что это именно онѣ. Я не была закостюмирована, а просто въ розовомъ «шали́» на марлѣ и въ атласныхъ бѣлыхъ башмакахъ, придержанныхъ на ногахъ перекрещивающимися лентами. Просидѣвъ нѣсколько времени, хочу встать на приглашеніе къ танцамъ и не могу: марля, подложенная подъ матерію платья, прилипла къ полу! Хочу ступить, оставляю башмаки прилипшіе на одномъ мѣстѣ. Оглядываюсь и вижу, что танцующія теряютъ башмаки и среди танца въ припрыжку убѣгаютъ въ уборную, неся ихъ въ рукахъ. Оказалось, что крашеный подъ паркетъ полъ, сильно потертый, распорядились только наканунѣ подновить масляной краской; онъ упрямился, долго не сохъ. Чтобы высушить масло, придумали натереть его мастикою, прибавя въ нее смолы, которая, разгоряченная треніемъ отъ танцевъ, произвела цѣлый скандалъ, такъ что балъ не удался.

На другой или третій день мы были у Хованскихъ. Въ кругъ дѣвицъ, сидѣвшихъ отдѣльно, вступилъ губернаторъ Хмѣльницкій и спрашиваетъ: «о чемъ вы разговариваете; ужъ вѣрно о происшествіи съ поломъ». Дѣвицы переглянулись и молчатъ, но я рѣшилась отвѣчать за всѣхъ: «Почему вы полагаете, что мы лучше этой темы не можемъ найти? Наоборотъ, до прихода вашего никто изъ насъ о томъ не говорилъ». Онъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся. Вообще Смоленскія дамы и дѣвицы слишкомъ подобострастно себя держали передъ губер-

наторомъ, что̀ давало ему поводъ иронизировать надъ ними и даже писать пасквили на женщинъ. Балы Александра Ѳедоровича Гернгросса и дочери его генеральши Швейковской отличались убранствомъ и угощеніемъ. Такъ, на большомъ серебрянномъ подносѣ устроенъ былъ изъ золоченной бумаги храмъ на восьми золоченыхъ колонахъ съ золотымъ куполомъ, кругомъ котораго въ золотыхъ кольцахъ висѣли чайныя и десертныя ложки. Внутри этого храма наложенъ разноцвѣтный плитнякъ изъ фисташковаго, лимоннаго, малиноваго и другихъ сортовъ мороженнаго. Разбросанныя на подносѣ плитки эти изображали разрушеніе зданія.

Во время дворянскихъ выборовъ съѣздъ въ Смоленскъ былъ особенно великъ. Мы были на хорахъ, когда шли дебаты. Шумъ и крикъ были такіе, что слышенъ только гулъ, и ни одного слова нельзя было уловить. Вдругъ хохотъ по всей залѣ; что̀ такое? Это знакомый намъ старикъ Ковалевъ, сѣдой уже, но сильный и бодрый, любившій напускать на себя самодурство, блажь или шутовство, надѣвъ медвѣжью шубу мѣхомъ вверхъ, съ пѣтушиными когтями въ зубахъ, явился на четверенькахъ въ собраніе, реветъ, пищитъ и творитъ всякія шутовства. И все ему сходило съ рукъ, какъ человѣку состоятельному, имѣвшему трехъ сыновей, выгодныхъ жениховъ.

Изъ сосѣдокъ нашихъ по деревнямъ я довольно близко сошлась съ одной изъ дѣвицъ Римскихъ-Корсаковыхъ и очень всегда сочувствовала ея грустной жизни, когда Авдотья Петровна вышла замужъ за Каленова. Это былъ уже вдовецъ, котораго мать, настоящая баба-яга, многія изъ отличавшихъ ее качествъ передала сыну. Первая жена Александра Львовича Каленова была старшая изъ тѣхъ трехъ княженъ Соколинскихъ, которыхъ такъ странно одѣвала бабушка ихъ, старуха Каховская, кончившая курсъ Смольнаго института въ числѣ воспитаницъ самаго перваго выпуска еще при Екатеринѣ и Бецкомъ. Каховская, не сознавая, что познанія ея уже отстали, и внучкамъ требуется что-нибудь лучшее, не хотѣла ихъ опредѣлить въ какое-либо заведеніе, и онѣ должны были довольствоваться тѣмъ, чему она сама могла ихъ научить. Въ пору приготовленій къ свадьбѣ старшей внучки онѣ поѣхали за покупками въ Москву. Всѣ три княжны были очень свѣтлыя блондинки, бабка ихъ совершенно сѣдая; онѣ сѣли въ свой старинный рыдванъ, карету свѣтло-желтаго цвѣта, запряженный шестеркою сѣрыхъ лошадей; при каретѣ два лакея и кучеръ въ желтыхъ ливреяхъ съ серебряными княжескими гербами. Позади ѣхалъ женихъ, помѣщикъ Бѣльскаго и Духовщинскаго уѣздовъ, Каленовъ, въ своемъ экипажѣ. Въ Москвѣ они отправились за покупками; шествіе открывала бабушка, за ней слѣдовали три внучки, каждая съ большимъ холще-

вымъ мѣшкомъ въ рукахъ для складыванія въ него покупокъ, а позади горничная съ внушительнаго размѣра жестянкой, наполненной старинными серебряными рублями; ключъ отъ жестянки несла бабушка. Опорожнивъ почти вполнѣ свое казнохранилище и наполнивъ длинные мѣшки, собрались онѣ домой, но тутъ выпалъ снѣгъ (дѣло было осенью), онѣ же пріѣхали безъ шубъ; чтобы помочь дѣлу, бабушка тотчасъ пріобрѣла для каждой изъ внукъ и для себя по бѣлому заячьему мѣху и, сдѣлавъ въ каждомъ по круглой дырѣ для просовыванья головы, облекла въ нихъ всю компанію. Въ такомъ видѣ онѣ возвратились домой. Каленовъ все время сопровождалъ ихъ. По прошествіи шести лѣтъ и имѣя уже двухъ дѣтей, онъ овдовѣлъ и тогда-то появился въ сосѣдствѣ нашемъ въ качествѣ жениха моей хорошей знакомой Авдотьи Петровны Р. Корсаковой. Бѣдняжка не была съ нимъ счастлива; онъ обращался съ женой деспотично, ревновалъ ко всѣмъ и каждому, такъ что знакомые перестали къ нему ѣздить. На время собственной отлучки, онъ запиралъ жену на ключъ и по возвращеніи ревизовалъ, на много ли подвинулась безъ него ея работа, заставлялъ ее соблюдать строго всѣ постные дни, а самъ, сидя противъ нея, уплеталъ цыплятъ; задавалъ ей уроки чтенія Псалтыря на распѣвъ, какъ читаютъ по покойникамъ, для чего рядомъ съ ихъ спальной была небольшая молельня со множествомъ образовъ, лампадами и свѣчами. Заперевъ тамъ жену часа на два, мужъ отправлялся на прогулку, или возился съ гувернанткой своихъ дѣтей. Если во время ихъ рѣдкихъ выѣздовъ къ сосѣдямъ жена сдѣлаетъ или скажетъ что-нибудь несогласное съ волей мужа, онъ ее потихоньку щипнетъ, не имѣя возможности иначе заявить ей свое неудовольствіе. Случилось, что во время его поѣздки въ Смоленскъ Авдотья Петровна, соскучившись одна, рѣшилась пріѣхать къ намъ и не успѣла вернуться домой ранѣе мужа; тотчасъ пошли сцены ревности. Я уже легла спать, какъ вдругъ ко мнѣ стучатъ. Это Каленовъ, тотчасъ по пріѣздѣ домой, послалъ нарочнаго разыскивать жену, и я должна была дать свидѣтельство кучеру, что онъ свою барыню у насъ уже не засталъ, но что она дѣйствительно была. Постепенно она чахла и умерла еще молодою, оставя двухъ сиротъ. У Каленова было нѣсколько нагальванизированныхъ банокъ. Онъ дѣлалъ опыты, большею частью для своей, далеко не похвальной забавы. Разъ пріѣхалъ къ нему приходскій священникъ. Угощая его, хозяинъ нагальванизировалъ чарку вина такъ сильно, что гость, взявъ ее въ руку, упалъ со всѣхъ ногъ навзничь...

Марья Сергѣевна Николева впослѣдствіи вышла замужъ за Ивана Ивановича Транковская. Она скончалась весною 1878 года. За сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ ея воспоминаній, представляющихъ собою живую лѣтопись помѣщичьей старины, въ ея наиболѣе свѣтлыхъ чертахъ, обязаны мы благодарностью дочери ея, Екатеринѣ Ивановнѣ Дерожинской. П. Б.